

На правах рукописи

Клычников Юрий Юрьевич

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(1827-1840 ГГ.)**

Специальность 07.00.02 - отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Пятигорск - 2004

Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных наук
Пятигорского государственного технологического университета

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор **Виноградов Виталий Борисович**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Великая Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Керейтов Рамазан Хусинович
доктор исторических наук, профессор
Хутиыз Ким Кансаевич

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита состоится «2» апреля 2004 г. в 11⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.212.194.01 в Пятигорском государственном технологическом университете по адресу: 357502, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56, ауд. 120.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пятигорского государственного технологического университета по адресу: г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56, корп. 1.

Автореферат разослан «26» февраля 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

 Г.Н. Рыкун

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

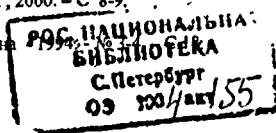
Актуальность темы исследования. Создание Российского многонационального государства являлось сложным и длительным процессом, в основе которого лежала тенденция к взаимовыгодному историческому партнерству. Включение иноэтничных территорий приводило к экономической, политической, идеологической, религиозной, культурной, этнической интеграции народов в рамках единого государственного образования. Это явление осуществлялось различными путями, методами и формами в зависимости от конкретной ситуации, складывавшейся в тот или иной исторический период, и, следовательно, оценивать его однозначно - положительно или отрицательно - не представляется возможным. Особенно это касается Кавказа, одного из самых сложных и этнически пестрых регионов планеты. Сейчас, когда он является наиболее взрывоопасной зоной нашего государства, необходимо тщательное изучение политического механизма разрешения российско-кавказского конфликта, имевшего место в XIX веке.

По словам С.В.Ястржембского, с которыми трудно не согласиться, «нельзя отдавать врагам не только высоты, но и сердца. Нельзя сдавать без боя и нашу историческую память. Кое-кто пытается ее извратить. Цель этих попыток, предпринимаемых в нашей стране, и особенно за рубежом, заключена в одном - оторвать народы Северного Кавказа от России, замолчать наши многовековые традиции дружбы и братства, гиперболизировать значение отдельных драматических страниц общей истории. Однако сотни, тысячи источников прошлого свидетельствуют об обратном: у нас единая судьба. И в доблести, и в горести».¹

Кавказ в целом и Северный Кавказ в частности в рассматриваемый период представлял собой узел сложных, противоречивых явлений, вылившихся в так называемую Кавказскую войну. Этот термин «как бы объединяет, хотя и упрощая, разноплановые факты и процессы: здесь и переходная экономика, связанная с формированием феодальной собственности, и образование государственности, и формирование новой идеологии, обслуживающей вышеназванные процессы, и столкновение интересов России и горцев Большого Кавказа, а также внешнеполитические интересы Великобритании, Турции и Персии».² Сам термин достаточно условен и является скорее географическим определением, далеко не раскрывающим всей сути этой многогранной проблемы. Вместе с тем он устоялся в отечественном кавказоведении, и с оговоркой «так называемая Кавказская война» вполне может быть применим в исторических исследованиях.

¹ Кавказ в сердце России. На вопросы современности ответы ищем в истории / Рос. Гос. б-ка; Сост.: В.И. Десятерик, Вад. В. Деметьев; Предисл. С.В. Ястржембского. - М., 2000. - С 8-9.

² Перевернутый мир бесконечной войны («круглый стол») // Родина

Вокруг этого явления до сих пор не умолкают споры. Истоки многих нынешних проблем видятся в тех, уже далеких от нас, событиях. В историографии не существует единой точки зрения на начало «Кавказской войны». В.О. Ключевский относил его к моменту присоединения Грузии, т.е. к 1801 г., в советской историографии отправным пунктом долгое время считался 1817 г., что было связано с деятельностью А.П. Ермолова. В наше время разброс мнений по-прежнему велик. Это 1769 г., 1779 г., 1823-1824 гг., 1829-1830 гг. О.В.Матвеев дает для Северо-Западного Кавказа отличную от других частей региона точку отсчета начала войны - 1830 г. Последний подход наиболее оправдан, т.к. данное явление для разных мест Кавказа имеет свои, специфические хронологические рамки. Если исходить из глубоко внутренних причин, вызвавших «Кавказскую войну», то, на наш взгляд, мнение М.М. Блиева о 1823-1824 гг. для Северо-Восточного Кавказа наиболее предпочтительно. Именно в это время были обоснованы главные принципы и положения юридикзма, ставшего идеологией войны. Хотя никто из российских и кавказских политиков того времени, пожалуй, еще не осознавал, на пороге каких революционных изменений стоит горское общество и с какими тяготами войны придется столкнуться России на Кавказе.

В задачу настоящего исследования не входит теоретический анализ всех аспектов т.н. Кавказской войны и ее хронологических рамок. Но данное явление должно учитываться при изучении обширного комплекса проблем российской политики на Северном Кавказе, которая сама являлась частью этого растянутого во времени события.

Целью данной работы является освещение и анализ российской политики на Северном Кавказе, которая активизировала внутренние социально-политические процессы в среде горских обществ; связанные с формированием феодальных отношений и сменой правящих элит, и способствовала разрастанию т.н. Кавказской войны, но вместе с тем заложившая основы для ее прекращения.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- выяснить, какое значение имел Кавказ для Российского государства;
- осветить влияние политики иностранных государств, прежде всего Англии, Персии и Османской империи на ситуацию в крае в рассматриваемый период;
- показать торгово-экономические мероприятия российской администрации, определить их цели и назначение, объяснить противоречивость и ограниченность;
- проанализировать колонизационно-переселенческие шаги кавказской администрации в контексте российской политики в регионе;
- выявить специфику административно-судебных, преобразований на Северном Кавказе;
- дать оценку культурно-просветительским шагам властей, направленным на мирное решение кавказского вопроса;

- раскрыть военно-стратегический замысел царской власти по «умиротворению» Северного Кавказа и показать ход его реализации в конце 20-х - 30-е годы XIX в.

Объектом исследования стала российская политика на Северном Кавказе в 1827-1840 гг. со всеми ее плюсами и минусами, оказавшая серьезное влияние на дальнейшее развитие региона.

Предметом исследования явились основные направления российской политики в регионе, определившие специфику его вхождения в состав единого, многонационального государства, а также исторический процесс взаимодействия российской власти с народами Северного Кавказа и включение их в экономическое, политическое и культурное пространство Российской империи в конце 20-х - 30-е годы XIX века.

Методологической основой работы послужили принципы научности и историзма, т.е. такой подход, когда действительность рассматривается как изменяющаяся во времени, развивающаяся. При этом каждый факт исследуется неотрывно от конкретно-исторической ситуации. Автором применяются историко-системный, историко-сравнительный, дескриптивный методы, которые позволили более глубоко понять исторические процессы, протекавшие на Северном Кавказе в изучаемый период.

, Кавказоведческой школой В.Б. Виноградова, изучающей особенности интеграции народов в состав России, в научный оборот был введен термин «**российскость**», который автор исследования, принадлежащий к данной школе, понимает как попытку понять и наладить взаимоотношения со своим историческим партнером с целью межэтнического, социально-экономического, политического и культурного сближения, выработка такой модели отношений, при которой основной упор делался на мирное сосуществование различных народов, их «совместничество», солидаризацию. Этот длительный процесс взаимного «притирания» сопровождался отнюдь не только военными конфликтами, но и поисками, формированием, использованием мирных путей решения этой задачи. В различных исторических ситуациях превалировали либо те, либо другие, но предпочтение по возможности отдавалось мирным шагам. При работе над исследованием автор стоял на позициях российскости при освещении политики, проводимой на Кавказе.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринято системное исследование различных аспектов реализации политики российского государства на Северном Кавказе в конце 20-х - 30-е годы XIX века в их единстве и неразрывной целостности. При этом исследованы взаимосвязанные социально-экономические, политические, духовные факторы, а также мирные и военные методы проведения российской политики, которые в своей совокупности оказывали решающее влияние на содержание и характер процесса включения Северного Кавказа в состав Российской империи.

Автор дает оценку взглядам российской общественности на северокавказскую политику государства. Акцентируется внимание на роль набеговой системы горцев, на существующую в рассматриваемый период практику «пленопродавства», оказывавших заметное влияние на действия российских властей в регионе.

Рассматривается влияние внешнеполитических факторов на развитие событий на Кавказе.

Впервые специальному анализу подвергается роль конфессионального фактора в деле мирного урегулирования кавказского вопроса. Изучаются просветительские шаги российской администрации в этом направлении.

В работе по-новому рассматривается процесс экономического освоения Северного Кавказа, показывается влияние экономической ситуации в стране на развитие региона.

В исследовании дается оценка колонизационно-переселенческим шагам российской власти, призванным обеспечить одновременно экономическое освоение Предкавказья и усиление военного потенциала в крае.

Особо изучается значение армии в установлении российской имперской власти в регионе, показывается противоречивость в использовании силовых методов при достижении контроля над Северным Кавказом.

Впервые вводится в научный оборот ряд документов, выявленных автором в центральных и местных архивах, раскрывающих различные аспекты представленной темы.

Территориальные рамки исследования. Несхожесть ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе позволяет выделить последний для отдельного изучения. География диссертации охватывает Северный Кавказ и Предкавказье, включающие в себя территорию от Кумо-Маньчской впадины на севере, Кубано-Приазовской равнины на западе и юго-западного края Прикаспийской низменности на востоке, а также горную систему Большого Кавказа, с которой граничит Предкавказье на юге, т.е. Дагестан, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду, Балкарию и Карачай, Ставрополье, Кубань и Северо-Восточное Причерноморье. Вместе с тем, следует помнить о неразрывной целостности Кавказа как географической, так и историко-политической, что учитывалось автором при исследовании проблемы.

В хронологические рамки исследования входит период с 1827 по 1840 год, т.е. время, когда А.П. Ермолов был удален с Кавказа, а вместе с этим произошла серьезная трансформация в действиях российских властей в этом регионе. 1840 год также определен не случайно, т.к. он ознаменован рядом серьезных внутри- и внешнеполитических событий, явившихся важной вехой очередного изменения кавказских реалий, потребовавших корректировки тех политических «правил игры», которых до того придерживалось российское руководство. Это призвание Шамиля чеченцами и провозглашение его имамом, военные успехи горцев Северо-Западного Кавказа, падение нескольких российских черноморских укреплений и ухудшение для России внешнеполитических условий,

связанных с потерей своего влияния в Турции и Иране и усиления там позиций Великобритании. Эти хронологические рамки достаточно условны, и в ряде случаев контекст исследуемых событий предполагает выход из них с целью более четкого представления предшествующих и последующих событий. Рассматриваемый период имеет свои особые отличия в истории Северного Кавказа. В это время слабеет влияние внешних факторов на ситуацию в крае, происходит консолидация части горских народов, вызванная среди прочих причин необходимостью противостоять Российской империи и т.п. На фоне этих событий политика российской администрации, безусловно, заслуживает отдельного анализа.

Историография проблемы. Различные моменты российской политики на Северном Кавказе в XIX веке уже не раз становились предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей, о чем убедительно свидетельствуют библиографические сборники и историографические работы, посвященные кавказоведческим вопросам.¹

Обзор историографии в настоящем исследовании построен по принципу характеристики различных аспектов рассматриваемой темы. При этом соблюдается хронология внутри выделенных групп, в которые сведены работы дореволюционных, советских и современных авторов.

К первому разделу следует отнести работы, затрагивающие геополитическое значение Кавказа для России и роли внешнеполитических факторов, оказывавших значительное влияние на проводимую в регионе политику. Уже в дореволюционных трудах В.О.Ключевского, Р.А.Фадеева, М. Острогорского, М.А.Волкова, С.С.Татищева, Ф. Мартенса и др. ставился вопрос о государственных интересах России на Кавказе, о роли географического фактора в русской истории.² При всех

¹ Гизетти А.Л. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. - СПб., 1901; Георгиев В.А. Англо-американская историография восточного вопроса 2-й четверти XIX века // Вопросы истории. - 1968. - № 3; Дегоев В.В. Буржуазная историография о британской политике на Кавказе во второй трети XIX в. // Вопросы истории. - 1979. - № 2; Киняпина Н.С., Даниялов М., Дегоев В.В. Движение горцев под руководством Шамилля в освещении буржуазной англо-американской историографии // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI - 70-е годы XX в.). - Грозный, 1982; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976 - 1985 годы: итоги и перспективы изучения) // История СССР. - 1987. - №3; Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. - 1988. - № 4; Дегоев В.В. Кавказ в системе международных отношений (30-60 гг. XIX в.). (Историография проблемы). Орджоникидзе, 1988; Он же. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. - 1999. - № 6; Он же. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. - Т.2 (150). - М., 2000, Патракова В.Ф. Историко-краеведческая библиография на Дону и Северном Кавказе (середина XIX в. - 80-е годы XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1993. - № 3; Абраменко А.М., Матвеев О.В., Матюшенко П.П., Ратушняк В.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. - Краснодар, 1995; Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (С древнейших времен по 1917 г.). - Т.1. - Ч.1. / Сост. Р.У. Туганов - Нальчик, 1997 и др.

² Ключевский В.О. Указ. соч.; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. - Тифлис, 1860, Он же. Письма с Кавказа // Фадеев Р.А. Собр. соч. - Т. 1. - СПб., 1889; Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801-1864). Рассказ из отечественной истории. - СПб., 1880; Волков М.А. Значение Кавказа в Восточном вопросе // День. - 1864. - № 25; Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. - СПб.,

несомненных достоинствах работы этих ученых имеют один общий недостаток. Они впадают в чрезмерную идеализацию политики России в регионе и не всегда объективны в оценке специфики жизни горских и кочевых народов этого края. Кавказская политика России в контексте международных отношений первой половины XIX века нашла отражение в трудах М.Н. Покровского, А.З. Ионисиани, А.В. Фадеева, О.П. Марковой, С.К. Бушуева и др.¹ Хотя авторы в условиях господства марксистской идеологии слишком упрощенно и схематично трактовали многие сложные явления и процессы, связанные с этой проблемой, тем не менее им удалось обобщить и ввести в научный оборот весьма важные данные, опираясь на которые можно более объективно взглянуть на эти события:

Среди современных исследователей геополитических интересов России на Кавказе следует выделить работу А. Дугина, который приходит к выводу, что данный регион является важнейшей основой для всей системы безопасности нашего государства и труд В.А. Матвеева, показывающий, при каких обстоятельствах происходило утверждение геополитических позиций России в крае.²

Для правильного понимания специфики северокавказской ситуации необходимо учитывать особенности интересов других государств, которые в той или иной мере были задействованы в борьбе, развернувшейся вокруг этого края в рассматриваемый период. В данном случае безусловный интерес вызывают работы А.Д. Новичева, В.И. Шеремета, Н.А. Дулиной, посвященные истории Турции.³ Особо следует отметить исследования А. Чеучевой и Ю.В. Приймака, непосредственно касающихся анализа

1887; Он же. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. - СПб., 1890; Он же. Дипломатические беседы о внешней политике России. - СПб., 1898, Мартенс Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. - 33 год. - Книга 2-я. - Февраль. - СПб., 1898 и др.

¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. - М., 1923; Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. - Т. XXXVII. - 1946; Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. - 1951. - № 9. - Сентябрь; Он же. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах // Ученые записки историко-филологического факультета. - Харьков, 1952; Он же. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М., 1956; Маркова О.П. Восточный кризис 30-х - начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки - 1953. - № 42; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 годы XIX века). - Изд-во Московского университета, 1955.

² Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. - М., 1997; Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. - Армавир - Ростов-на-Дону, 2002.

³ Новичев А.Д. История Турции. II. Новое время. Ч. I (1792-1839). - Изд-во Ленинградского университета, 1968; Он же. История Турции. III. Новое время. Ч. II (1839-1853). - Изд-во Ленинградского университета, 1973; Шермет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. - М., 1975; Он же. Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). - М., 1986; Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30-40-е годы XIX в.). - М., 1980. -

османской политики на Северо-Западном Кавказе.¹ О другом геополитическом сопернике России на Кавказе - Иране - мы находим сведения в монографии Н.А. Кузнецовой.²

Еще одним традиционным участником споров за Кавказ была Англия. Не имея непосредственного соприкосновения с этим регионом, Британия тем не менее рассматривала его как сферу своих жизненных интересов и естественный барьер в борьбе с Россией.³ На кавказских интересах Англии в 30 - 50-х годах XIX века акцентирует внимание в своем исследовании А.Е. Чхеидзе.⁴ По мнению автора, Англия искусственно раздувала кавказскую проблему, чтобы оправдать свою колониальную активность на Востоке.

О проблеме русско-турецких и русско-английских противоречий на Кавказе говорится в монографии Г.А. Дзидзария.⁵ Автор подчеркивал, что Кавказ в силу своего географического положения и природных богатств был объектом притязания со стороны этих государств, что приводило к эскалации напряженности в регионе.

Различные аспекты черкесского вопроса как составной части кавказской проблемы нашли отражение в работе А.Х. Касумова.⁶ Подробно рассматриваются дипломатическая и военная борьба России, Англии и Турции за Северо-Западный Кавказ, обладание которым имело стратегическое значение как с экономической, так и с военно-политической точки зрения.

Одним из ярких эпизодов противостояния России и Англии в 30-х годах XIX века в кавказском вопросе был вояж шхуны «Виксен» к черкесским берегам. Это событие подвергается отдельному изучению В.В. Дегоевым, который справедливо видит в нем первые шаги к Крымской войне.⁷

¹ Чеучева А. Политика Турции по отношению к Черкесии в период обострения Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX вв.). - Майкоп, 1995; Приймак Ю.В. Османская политика на Северо-Западном Кавказе накануне русско-турецкой войны 1828-1829 гг. // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VII краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. - Армавир-Краснодар, 1999.

² Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. - М., 1983.

³ Штейнберг Е.Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX – XX вв. // Исторические записки. - 1950. - № 33; Шастыко П.М. К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии // Против фальсификации истории колониализма. - М., 1962.

⁴ Чхеидзе А.Е. Кавказ в ближневосточной политике Англии (30-50-ые годы XIX века). Автореф... дисс. докт. ист. наук. - Тбилиси, 1974.

⁵ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. - Сухуми, 1982.

⁶ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. - Изд-во Ростовского университета, 1989.

⁷ Дегоев В.В. Военная тревога 1837 года: к истории англо-русского инцидента с шхуной «Виксен» // История СССР. - 1985. - №9. - Май-июнь.

Англо-русское противостояние на Ближнем Востоке нашло отражение в работе В.Н.Виноградова, отмечавшего, что борьба за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы являлась одной из главных задач российской дипломатии, и уступки в этом вопросе привели к значительному ослаблению позиций России, в том числе и на Кавказе¹

Восточный вопрос традиционно был объектом пристального внимания со стороны отечественной исторической науки.² Его влияние в конце 20-х - начале 30-х годов XIX в. на политическое положение адыгских племен Северо-Западного Кавказа получило освещение в работах А.Х. Бижева.³ Автор подробно останавливается на возникших вследствие русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. международных противоречиях и последующих за этим событиях. Особое внимание им придается Ункяр-Искелесийскому договору, ставшему одной из «болевых точек» в отношениях России и Англии. Не обходит А.Х. Бижев своим вниманием и деятельность иностранной агентуры на Северо-Западном Кавказе, впадая, на наш взгляд, в излишнюю идеализацию борьбы польских ссыльных и эмигрантов, выступавших на стороне «немирных» горцев против российской власти.

Анализ роли адыгов в русско-турецких отношениях второй половины XVIII - первой трети XIX века содержится в исследовании Т.М. Феофилактовой.⁴

Влиянию политики ведущих держав Европы, Ближнего и Среднего Востока на кавказские события конца XVIII - первой половины XIX века уделял внимание Б.М. Джимов.⁵ При несомненных достоинствах его работы следует признать, что автор не сумел выйти за рамки упрощенного толкования такого непростого явления как «Кавказская война», сведя все исключительно к колониальному экспансионизму России, Турции, Англии и т.д. в регионе.

О борьбе России за признание Кавказа своей неотъемлемой частью говорится в коллективной монографии Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева и В.В. Дегоева.⁶ После Туркманчайского мирного договора с Ираном 1828 г.

¹ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. - М., 1991.

² Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XIX в.). - М., 1978.

³ Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х, начале 30-х гг. XIX века - Майкоп, 1994, Он же. Северо-Западный Кавказ в фокусе дипломатии 20-30-х годов XIX в. // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX вв.). - Майкоп, 1995.

⁴ Феофилактова Т.М. Западные адыги в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. - Краснодар, 1995.

⁵ Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. - Краснодар, 1995.

⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX вв.). - М., 1984.

и Адрианопольского мира 1829 г. с Турцией Кавказ юридически вошел в состав Российского государства, что вовсе не означало отказа иностранных государств, и прежде всего Англии, от претензий на этот регион. На основании обширных архивных материалов и, привлекая самые разнообразные, в том числе иностранные исследования, авторы раскрыли роль кавказского вопроса в международных отношениях, показали влияние на него споров вокруг черноморских проливов, контроль за которыми был стратегически важен для всех сторон, имевших здесь свои геополитические интересы. В дальнейшем эта тема была углублена В.В. Дегоевым в новой монографии, посвященной анализу кавказского вопроса в международных отношениях 30 - 60-х гг. XIX века.¹

К другой группе исследований относятся работы, посвященные специфическим особенностям региона, прежде всего хозяйственно-экономическому развитию края, роли торговли в российской политике на Северном Кавказе.

Общий уровень экономического развития государства, его внешнеторговые интересы не могли не отразиться на освоении Северного Кавказа, и поэтому необходимо учитывать данный фактор при анализе проводимой здесь политики. Эти вопросы рассматриваются в трудах Ст. Гулишамбарова, С.А. Покровского, М.К. Рожковой, В.А. Золотова, С.Г. Струмилина, Н.С. Киняпиной и др.²

Хозяйственное развитие непосредственно Северного Кавказа и его отдельных частей нашли свое отражение в трудах И.В. Ровинского, А.В. Фадеева, Н.П. Гриценко, С.А. Чекменева, Г. Н. Шевченко и др.³ И если для дореволюционных исследователей характерно, прежде всего, описание явления, сбор фактов, то последующие работы содержат важный

¹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. – Владикавказ, 1992.

² Гулишамбаров Ст. Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I 1825-1855 гг. - СПб., 1896; Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. - М., 1947; Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. - М., Л., 1949; Очерки экономической истории России первой половины XIX века. / Сборник статей под редакцией М.К. Рожковой. - М., 1959; Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. - Изд-во Ростовского университета, 1963; Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. - М., 1966; Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). - Изд-во МГУ, 1968 и др.

³ Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. - СПб., 1809; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. - М., 1957; Он же. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. №1; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX вв. - Грозный, 1961; Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. - Пятигорск, 1967; Он же. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII - первой половине XIX вв.). - Пятигорск, 1994; Шевченко Н.Г. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII - первой половине XIX в. // По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). - Краснодар, 1993 и др.

аналитический материал, касающийся причин успехов и неудач в деле освоения Россией Северного Кавказа.

Без правильного понимания особенностей хозяйственного и социального развития местного населения невозможно понять и объективно оценить те или иные шаги российской администрации на Кавказе. Этот аспект проблемы уже давно интересует исследователей края. Особенно это характерно для советского кавказоведения, которое исходило из теории общественно-экономических формаций, а потому экономический базис был предметом пристального внимания ученых.¹

Предметом специального изучения становились экономические последствия присоединения народов Северного Кавказа к России.²

Русско-горская торговля, занимавшая немаловажное значение в кавказской политике страны, подвергается анализу в целом ряде работ, авторы которых приходят к выводу, что торговые отношения имели благотворное влияние на народы региона и являлись альтернативой войне.³

Города, будучи военными, административными, экономическими и культурными центрами, стали важной опорой в деле освоения Северного Кавказа. И если первоначально преобладали их военные функции, то со временем они уходили на второй план, или вообще исчезали, а

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. - Махачкала, 1968; Кумыхов Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). - Нальчик, 1962; Он же. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. - Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965; Божвадзе Т.Д. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. - Тбилиси, 1965; Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. (Очерк социально-политической истории). - Махачкала, 1972; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. - М., 1981; Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. - Майкоп, 1986; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. - Краснодар, 1989; Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о горном промысле горцев Ингушетии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Чечено-Ингушетия в конце XVIII – первой половине XIX вв. - Грозный, 1989; Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). - Майкоп, 1991. - Вып. VIII. и др.

² Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дюктябрьский период). - Махачкала, 1956; Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. - Черкесск, 1956.

³ Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений с Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. - 1902. - Т.VIII; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. - Майкоп, 1957; Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. - 1961. - № 1; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII-40-е годы XIX в.) // ИСОННИИ. - Орджоникидзе, 1966. - Т.XXV; Невская Т.А. Связи русского населения Ставрополя с ногайцами и другими кочевыми народами в XIX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. (проблемы социально-экономического развития). - Ставрополь, 1980; Акиев Х.А. Материалы Кизлярской таможи 1825-1828 годов как источник изучения торговых связей Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). - Грозный, 1986; Чирг А.Ю. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. - Майкоп, 1987; Бижев А.Х. Заселение Кубанской области русскими и развитие русско-адыгских торговых связей (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). - Нальчик, 1989 и др.

административная и культурно-экономическая стороны наоборот усиливались. Изучению истории и роли северокавказских городов в судьбе региона посвятили свои работы многие дореволюционные, советские и современные исследователи.¹

Развитию отдельных отраслей хозяйства посвящены труды Н.Н. Шаврова и М. Баласса. Рассматриваются аспекты развития шелководства и виноделия на Кавказе.

Кавказские Минеральные воды были и остаются особым регионом Северного Кавказа благодаря уникальным природно-климатическим богатствам. Оценив это, российское правительство способствовало развитию здесь курортной базы, поощряло экономическое освоение этих мест, о чем свидетельствуют многочисленные работы, касающиеся данного вопроса.³

Отдельно следует выделить работы, характеризующие проекты хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в составе России.⁴ Они свидетельствуют о многообразии подходов и методов в решении кавказской проблемы, которые никогда не сводились исключительно к замыслам силового решения этого непростого для страны вопроса.

Колонизационно-переселенческие и административные аспекты российской политики на Северном Кавказе поднимались в целом ряде работ, посвященных региону. Их следует отнести к третьей выделенной группе исследований.

В труде дореволюционного ученого А.А.Кауфмана «Переселение и колонизация» автор попытался раскрыть свое видение этих процессов в

¹ Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. - Петроград, 1914; Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. - Екатеринбург, 1916; Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVII - XIX вв.). - Орджоникидзе, 1960; Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V - середины XIX вв. - Ростов-на-Дону, 1984; Казаков А.И. Страницы истории города Грозного: Краеведческие этюды. - Грозный, 1989; Прокопенко Ю.А. Железноводск: Страницы истории. - Ставрополь, 1998; Киторов С.Н. История Армавира в контексте социально-экономического и культурного развития Степного Предкавказья в XIX - нач. XX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Краснодар, 2000 и др.

² Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. - Тифлис, 1891; Баласс М. Виноделие в России. Ч.IV. Предкавказье. - СПб., 1898.

³ Кавказские Минеральные воды, в Ставропольской губернии, Пятигорского уезда. - СПб., 1860; Баталин Ф. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. - СПб., 1861. - Ч.1, Ч.2; Верховец Я.Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод 1825 - 1850 гг. - Пятигорск, 1911; Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. Дорогие адреса. - Ставрополь, 1974; Они же. И звезда с звездой говорит... - Ставрополь, 1980; Они же. Фесентукские встречи. - Ставрополь, 1984; Польской Л.Н. Летопись Пятигорска. - Пятигорск, 1993; Кавказские Минеральные Воды. - М., 1994; Белозеров В.С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. - М., 1997 и др.

⁴ Яндарова А. Х.-А. Первые проекты хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в составе России // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). - Грозный, 1990; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII - первая треть XIX вв.). Полемиические этюды. - Армавир-Грозный, 1996.

истории страны, указывая на то огромное значение, какое они имели для России.¹

Этностатистическое исследование, в котором на основании большого числа архивных материалов прослеживается динамика численности и тенденция размещения народов региона, предпринято В.М. Кабузаном.

Проблеме становления и развития российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII - XIX веках посвящены работы З.М. Блиевой, Г.Н. Малаховой.³ Исследователи подробно останавливаются на проблеме колонизации региона, специфике управления казаками, крестьянами, горскими и кочевыми народами. Показывается объективно положительное значение включения этих мест в состав Российской империи.

Казачество традиционно играло важную роль в процессе освоения окраин страны. Культура, быт, история кавказского казачества, имеют на сегодняшний день весьма обширную историографию.⁴ В отличие от других категорий колонистов казаки не только участвовали в решении хозяйственных задач, но и активно привлекались к обороне границы и борьбе с «немирными» горцами.⁵

Исследованию проблемы миграции однодворцев южнорусских губерний на Северный Кавказ, их роли в создании линейных полков Кубани посвящены монографии В.А. Колесникова и П.С. Федосова.⁶

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. - СПб., 1905.

² Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. - СПб., 1996.

³ Блиева З.М. Административное устройство на Северном Кавказе в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX - начала XX веков. - Л., 1983; Она же. Из истории становления российской системы управления в Чечне (конец XVIII - первая треть XIX вв) // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. - Нальчик, 1989; Она же. Осетия в системе административного управления России в конце XVIII - первой трети XIX вв. // Роль России в истории Осетии: Сборник научных трудов. - Орджоникидзе, 1989; Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII - XIX вв. - Ростов-на-Дону, 2001.

⁴ Казачество: истоки и возрождение. Библиографический список литературы. / Сост. Т.Ю. Кравцова, Л.А. Петрова. - Ставрополь, 1991.

⁵ Поща И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Исторический очерк. Вып. I-й. Гребенское войско. - СПб., 1880; Он же. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы в двух частях. - Краснодар, 1998; Короленко П.П. Азовцы // Кубанские областные ведомости. - 1891 - № 49; Он же. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. - Т.XVI; Он же. Двухсотлетие кубанского казачьего войска 1696-1896. (Исторический очерк). - Краснодар, 1991; Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска, 1696 - 1896. - Тифлис, 1900 - Т.I; Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанские казачье войско. - Репринтное издание. - Краснодар, 1996; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска - Екатеринодар, 1913. - Т.II. - Репринтное издание. - Краснодар, 1992, Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. - М., 1967, Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии - Орджоникидзе, 1989 и др.

⁶ Колесников В.А. Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сентигеевской и Новотроицкой станиц. - СПб., 2000; Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Рашеватской (1801 - 2001). К 200-летию со дня освоения. - Ставрополь, 2001.

Главной силой в деле экономического освоения региона являлось крестьянство, что убедительно показано в работах А.В.Фадеева, В.С. Гальцева, С.А. Чекменева и др.¹ Крестьянство искало на Кавказе землю и волю, а попытки властей бороться с этим явлением сталкивались с отчаянным сопротивлением поселенцев.²

Среди мер, предпринимаемых правительством по колонизации Кавказа, было поселение здесь иностранных колонистов. Для них создавались наиболее благоприятные условия, выделялись лучшие земли. Власти рассчитывали получить в лице иностранцев свою социальную опору, использовать их опыт для обучения русского и туземного населения европейским методам хозяйствования. Однако больших результатов подобная практика не дала, - в силу различных объективных, и субъективных причин, которые подробно освещаются в трудах И. Апухтина, С.А. Чекменева, Л.И. Краснокутской, и др.³

Следствием проводимой российскими властями политики становилось перемещение горского населения из одних районов проживания в другие. В ряде случаев это был добровольный процесс, но нередко встречались факты принуждения. Картина этого расселения нашла отражение в трудах Н.Г. Волковой, Б.П. Берозова, М.С. Симоняна и др.⁴

Отношение российской общественности к кавказской политике государства, культурно-просветительские шаги властей в регионе условно составляют отдельный комплекс исследований.

Не раз отечественные ученые поднимали вопрос о развитии образования и просвещения на Кавказе, без чего освоение этих мест было немислимо, и в настоящее время собран и проанализирован большой фактический материал по данной проблеме.⁵

¹ Фадеев А.В. Из истории крестьянской колонизации Предкавказья в дореформенный период (1785 - 1861 гг.) // Доклады и сообщения института истории. - М., 1956. - Вып. 9; Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. - Орджоникидзе, 1957. - Т. XIX; Чекменев С.А. Указ.соч. и др.

² Романовский В.А. К вопросу о положении крестьян села Маслов-Кут перед восстанием 1853 года // Материалы по изучению Ставропольского края. - Ставрополь, 1971. - № 12-13.

³ Апухтин И. Колония Каррас, ее прошлое и настоящее. - Пятигорск, 1903; Чекменев С.А. Иностранное поселение на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX вв. // Материалы по изучению Ставропольского края. - Ставрополь, 1971. - Вып. 12-13; Краснокутская Л.И. История шотландской миссии на Северном Кавказе (1802-1835 годы). Авторф. дисс. канд. ист. наук. - Пятигорск, 2000 и др.

⁴ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX вв. - М., 1974; Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) - Орджоникидзе, 1980; Симонян М.С. Переход черкесов-таев во владения Российской империи // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. / Под ред. В.Б. Виноградова и И.И. Марченко. - Армавир - Краснодар, 2001 и др.

⁵ Краснов М.В. Просветители Кавказа // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. - V выпуск. - Ставрополь, 1913, VI выпуск. - Ставрополь, 1914; Тютюнина Е.С. Аманатская школа в Нальчике. - 1989. - Рукопись; Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. - М., 1993; Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX - начале XX вв. -

В свое время А.С. Пушкин замечал, что «Кавказ ожидает христианских миссионеров», т.к. Слово Божие сумеет умиротворить этот беспокойный край. И действительно, подвижнические труды служителей церкви являлись немаловажной частью проводимого здесь правительственного курса, направленного на мирное решение кавказского вопроса. Деятельности проповедников посвящены труды И. Беляева, Гедсона.¹

С Кавказом связаны имена таких столпов отечественной словесности как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский и др. Их творчество во многом позволяет разобраться во взглядах передовой российской общественности на кавказскую политику правительства. Оценки, происходящих здесь событий, даваемые ими в своих произведениях, зачастую расходились с официальным курсом, и эта сторона их жизни не раз становилась объектом пристального внимания ученых.²

Под влиянием русской культуры активизировалась духовная жизнь народов Кавказа, чьи сыны заняли достойное место среди интеллектуальной элиты страны.³

К следующей группе исследований относятся труды, касающиеся военной, составляющей российской политики на Северном Кавказе. Особенно большое внимание этому вопросу уделялось в трудах дореволюционных историков А.А. Неверовского, Е. Васильева,

Нальчик, 1991; Узденова С.Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до октября 1917 г.). - Пятигорск, 1994 и др.

¹ Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. - СПб., 1900; Гедсон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. - Москва-Пятигорск, 1992.

² Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов жизнь и творчество. - М., 1891. - Репринтное издание; Семенов Л.П. Пушкин на Кавказе. - Пятигорск, 1937; Он же. Лермонтов на Кавказе. - Пятигорск, 1939; Виноградов Б.С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. - Грозный, 1966; Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. - М., 1967; Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. - Ставрополь, 1974; Веленгурин И.Ф. Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. - Краснодар, 1976; Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Эпюды о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия: Сборник статей. - Грозный, 1981; Махлевич Я.Л. Мезонин у Нарзана. - Ставрополь, 1983; Селегей П.Е. Заповедный лермонтовский край. Путеводитель по государственному музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова. - Ставрополь, 1985; Черейский Л.А. Пушкин и Северный Кавказ. - Ставрополь, 1986; Сахаров В. Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А. Бестужева-Марлинского // Родина. - 1994. - №3-4; Виноградов А.В. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие эпюды) - Армавир, 1997; Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Взгляды А.С. Пушкина на Северо-Кавказскую деятельность А.П. Ермолова // А.С. Пушкин, Кавказ, современность. - Пятигорск, 1998; Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие эпюды). - Армавир, 1999; Он же. Черты кубанской истории в «Гуаше» и «Элегии» - литературных произведениях середины XIX века. - Армавир, 2001; Он же. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы (сборник статей). - Армавир, 2003; Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Лермонтов и Мартынов: кавказские контуры трагедии (историко-литературоведческий очерк). - Армавир, 2000; Ашхотов Б.Г. Кавказ в судьбе и творчестве М.Ю. Лермонтова // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999 г.). - Ставрополь, 2000; Захаров В.А. Загадка последней дуэли. Документальное исследование. - М., 2000 и др.

³ Шабаньянц И.Ш. Академик П.З. Захаров. - Грозный, 1974; Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. - Нальчик, 1998.

А.П.Берже, А.Юрова, Н.А.Волконского, Н.Ф.Дубровина, В.Чудинова, В.А.Потто, А.Л.Гизетти, Служивого (Д.Н.Дубенского), А.А.Каспари, Б.С.Эсадзе, С.Эсадзе и др.¹ Ценность их работ заключается в обработке и введении в оборот огромного количества разнообразных документов, подлинники которых в значительной степени утеряны.

Судьбы участников войны на Кавказе не раз становились предметом отдельных исследований.² Такой подход позволяет персонифицировать историю, взглянуть на нее не только как на процесс, творимый безликой массой.

«Кавказская война» не раз становилась предметом научных интересов отечественных исследователей, но зачастую все сводилось исключительно к колониальным устремлениям Российской империи. Советские и современные кавказоведы не обходили ее своим вниманием и внесли весомый вклад в ликвидацию «белых пятен» по данной теме, хотя и не всегда избегая чрезмерной политизации проблемы.

В свое время о внутренних причинах «Кавказской войны» говорил Х.Г.Аджемян, но тогда эта точка зрения подверглась резкой, зачастую огульной критике и развития не получила.³ В настоящее время ряд отечественных исследователей вновь вернулись к данному вопросу. На принципиально новый уровень проблему причин «Кавказской войны»

¹ Неверовский А.А. О начале беспокорья в Северном и Среднем Дагестане. - СПб., 1847; Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. // Военный сборник. - 1874. - №9; Берже А.П. Защита Михайловского укрепления // Русская Старина. - 1877. - Июнь; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. - Тифлис, 1886. - Т.Х; Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. - Тифлис, 1887. - Т. XI; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. - СПб., 1888. - Т. 6; Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. - Тифлис, 1889. - Т.ХIII; Потто В.А. Кавказская война. Время Паскевича, или Бунт Чечни. - Ставрополь, 1994. - Т.5; Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 гг. - Тифлис, 1901; Служивый (Дубенский Д.Н.) Очерки покорения Кавказа. - СПб., 1901; Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. - СПб., 1904; Эсадзе Б.С. Боевые подвиги Кавказской армии. - Тифлис, 1908; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. - Тифлис, 1909; Он же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. - Тифлис, 1914 и др.

² Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. - СПб., 1851; Толстой Ю.В. Очерк жизни и службы Е.А. Головина // Деятельность на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. - СПб., 1870. - №8. - Август; Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенгау. Очерк военных действий и событий на Кавказе 1818-1850 // Русская Старина. - СПб., 1875. - Март; СПб., 1876 - Январь, Февраль, Март; Филонов С. Кавказская Линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. - Тифлис, 1894. - Т.ХV; Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Материалы для истории Кубанского края // Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1904. - Т.Х; Труфанов. Памяти генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова 1-й линейный генерала Вельяминова полк. - Каменец-Подольск, 1912; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). - Эссенуки, 1999; Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. - М., 2001 и др.

³ Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. - 1947. - №11.

вывели работы М.М. Блиева и В.В. Дегоева.¹ Их совместный труд справедливо назван «важной вехой в историографии этого крупнейшего явления в российской истории XIX в.»² Они пришли к выводу, что «война» обязана своим происхождением прежде всего тем однотипным общественным организациям, которые локализовались в сходных эколого-географических нишах. При этом российский фактор и вмешательство иностранных государств, являясь важной составляющей данного процесса, все же не играли доминирующей роли.

Проблема мировоззрения горцев, их культурно-психологические особенности, сыгравшие определенную роль в эскалации напряженности на Кавказе, рассматривались в работах С. Броневского, Й. Бларамберга, Сталя, А.А. Ахлакова, С.Ш. Аулевой.³

Институт горского наездничества, или набеговая система стал в последнее время объектом пристального внимания со стороны исследователей. Он оказывал значительное и в целом отрицательное воздействие на русско-кавказские отношения.⁴

В обобщающих трудах по истории Северного Кавказа и его отдельных частей рассматриваются самые разные стороны местных реалий интересующего нас периода, что позволяет воссоздать целостную картину проводимой здесь российской политики.⁵

¹ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. - 1983. - № 2; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. - М., 1994.

² Айрапетов О.Р. Рецензия на монографию М.М. Блиева, В.В. Дегоева. Кавказская война. - М.: «Росет», 1994 // Отечественная история. - 1997. - № 6. - С.171.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. - М., 1823. - Репринтное издание; - Бларамберг Й. «Кавказская рукопись». - Ставрополь, 1992; Сталь. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. - Тифлис, 1900. - Т.ХХI; Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. - Махачкала, 1968; Аулева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI – XIX веков. - Нальчик, 1973 и др.

⁴ Бондарь В.В. Роль наездничества в российско-кавказских отношениях в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы конференции. - Краснодар, 1995; Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в п.п. XIX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения (7). - Краснодар, 2001.

⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. - М., 1958; Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. - Махачкала, 1968; Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. - М., 1960; Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX века. - Орджоникидзе, 1964; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1967. - Т.1; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1967. - Т.1; История Дагестана. - М., 1968; Очерки истории Ставропольского края. С древнейших времен до 1917 года. - Ставрополь, 1986. - Т.1; История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. - Изд. 2-е, перераб и доп. - Орджоникидзе, 1987. - Т.1; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Под ред. А.Л. Нарочницкого. - М., 1988; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. - Краснодар, 1996; Виноградов В.Б. «Уголок России, отчий дом...» Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. - Армавир-Кизляр, 1996; Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. - Армавир, 1997 и др.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех накопленных кавказоведением достижений в деле изучения этого уникального региона. Вместе с тем остается еще немало «белых пятен», связанных с оценкой проводимой здесь российскими властями политики. Среди таких проблемных вопросов выделяются следующие: влияние внешнеполитических факторов на взаимоотношения горцев с российской администрацией, деятельность православной церкви и мусульманского духовенства, колонизационно-переселенческая стратегия правительства и т.д.

Источниковая база диссертации. Непростой, зачастую противоречивый процесс интеграции Северного Кавказа в состав России требует скрупулезного, объективного осмысления с привлечением самых различных источников и свидетельств, позволяющих дать строго научный анализ происходившего и выявить особенности, и основные тенденции развития края в конце 20-х - 30-е годы XIX века.

В качестве документальной основы для написания диссертации послужили материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центрального Государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГАКБР), различные опубликованные источники.

В Российском Государственном военно-историческом архиве автором были использованы следующие фонды: фонд 1 - «Канцелярия Военного министерства», содержащий сведения о планах российского командования по установлению контроля над Черноморским побережьем Северо-Западного Кавказа.

Фонд 644 - «Штаб командующего войсками Терской области», имеющий информацию, которая характеризует хозяйственно-экономическую ситуацию в регионе.

Фонд 846 - «Коллекция Военно-ученого архива», включающий данные, касающиеся политики властей по отношению к кавказским народам и информацию о проводимых в крае исследованиях.

Фонд 13454 - «Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных» объединяет материалы, касающиеся пополнения рядов кавказского казачества за счет переселения и причисления в их ряды других категорий населения. Здесь же имеются дела по распространению российской судебно-административной системы в регионе, перемещению горского населения с целью обеспечения спокойствия на Линии. Аналогичный материал был найден в фонде 14719 «Главный штаб Кавказского корпуса и армии».

Российский государственный исторический архив привлекает внимание фондами 1152 - «Департамент экономики (1810 - 1906)» и 1268 - «Кавказский комитет (1833 - 1881)», где нашла отражение политика российских властей в области судостроительства.

А сведения об отношениях правительства и терского казачества обнаружены в материалах фонда 1263 - «Комитет министров (1802 - 1906)».

В Государственном архиве Ставропольского края интересны фонды 15 - «Дирекция училищ Ставропольской губернии. (1847-1876 гг.)» и 73 - «Гимназии г. Ставрополя»; где представлены шаги властей в области образования и просвещения.

Фонд 71 - «Общее управление Ставропольского округа» позволил составить картину, характеризующую позицию российской администрации по вопросам религиозной, переселенческой, просветительской политики.

Вопросы экономического освоения Северного Кавказа, колонизации новых земель, политика по отношению к аманатам; развитие народного образования и т.д. отражены в фонде 79 - «Общее управление Кавказской области».

О развитии курортов на КМВ свидетельствуют материалы фонда 288 - «Строительная комиссия при Кавказских Минеральных Водах».

Проблема налаживания русско-горской торговли, игравшей заметную роль в политике царской власти на Северном Кавказе, нашла отражение в фонде 444 - «Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области». Здесь же имеются данные о пополнении рядов казачества и развитии в регионе собственной промышленной базы, а фонд 1300 - «Комиссия наделения линейного казачьего войска землями» дал информацию о наделении земель казаков линейного войска, которых царизм рассматривал как главную колонизационную силу в деле освоения региона.

Государственный архив Краснодарского края содержит следующие фонды, использованные автором исследования: фонд 249 - «Канцелярия войскового атамана Черноморского казачьего войска», имеющий различного рода материалы о военной и гражданской деятельности местной администрации.

Культурно-просветительские шаги российской администрации, направленные на мирное решение кавказской проблемы, находят отражение в фонде 261 - «Канцелярия начальника. Черноморской кордонной линии».

Ценные документы содержатся в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики. Здесь необходимая информация была почерпнута в фонде 1 - «Управление начальника Кавказской линии», фонде 16 - «Управление центра Кавказской линии», в которых имеются материалы о политике царской администрации по отношению к горцам, в частности наделении их землями, контактам с российскими судебными учреждениями, и фонде 40 - «Управление межевой частью Терской области», где автор нашел сведения о зачислении беглых крестьян в жители Вольного аула близ Нальчика.

В ходе проведенного исследования широко использовались уже опубликованные архивные документы, многие из которых были

систематизированы и обобщены в отдельные сборники. Среди них особо следует выделить Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), чье 12-томное издание является самой крупной публикацией документов по истории Кавказа в дореволюционный период. К изучаемому времени относятся документы, содержащиеся в Т.VII, Т.VIII, Т.IX данного издания, но ряд использованных сведений содержится и в Т. VI и Т.X.¹ Опубликованные документы из архива Главного управления царского наместника на Кавказе позволяют осветить военную, политическую, административную, судебную и экономическую историю Северного Кавказа в постермоловское время.

Весьма важный материал содержится в Полном собрании законов Российской империи (Собрание первое и второе).² Здесь собраны документы, анализ которых позволяет почерпнуть сведения о северокавказской политике русского правительства, в частности имеются данные об усилении Кавказской Линии новыми казачьими станицами и непростой военно-политической ситуации в регионе.

Военные планы российского командования, проекты силового решения кавказского вопроса изложены в разработках незаурядного военачальника А.А. Вельяминова.³ Они вызывают интерес глубоким знанием местной специфики и отражают точку зрения значительной части кавказского военного руководства.

Различные официальные документы и свидетельства частного характера содержатся в опубликованном до революции архиве Раевских.⁴ Н.Н. Раевский, будучи участником исследуемых событий, оставил интересные свидетельства о своей службе. Они являются важным источником, позволяющим понять и оценить политику властей на Северо-Западном Кавказе. Важные сведения о колонизации Северного Кавказа на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» опубликовал И.В. Бентковский.

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. - Тифлис, 1878. - Т.VII; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. - Тифлис, 1881. - Т.VIII; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. - Тифлис, 1884. - Т.IX; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. - Тифлис, 1875. - Т.VI. - Ч.I, Ч.II; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. - Тифлис, 1884. - Т.X.

² Полное собрание законов Российской империи (собрание I с 1644 по 1825. - Т.ХХХIХ). - СПб.; Полное собрание законов Российской империи (собрание II 1830-1884. - Т.II, III, V, VII, VIII). - СПб.

³ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. - Тифлис, 1883. - Т.VII; Он же. Замечания на меморию подполковника Бюрно // Кавказский сборник. - Тифлис, 1883. - Т.VII; Он же. Замечания на письмо главнокомандующего действующей армиию к военному министру от 27 июля 1832 года № 67 // Кавказский сборник. - Тифлис, 1883. - Т.VII; Он же. Ответ на письмо командира Отдельного Кавказского корпуса барона Розена от 13-го мая 1833-го года о представлении плана к окончательному покорению горцев // Кавказский сборник. - Тифлис, 1883. - Т.VII.

⁴ Архив Раевских. - СПб, 1908. - Т.I; СПб., 1910. - Т.З.

⁵ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кавказские областные ведомости. - 1882. - №14.

Сведения, связанные с инцидентом вокруг вояжа шхуны «Виксен» к черноморским берегам Кавказа, содержатся в одном из томов «Красного архива». Они позволяют лучше понять особенности российско-британского противостояния в крае, обострившегося в 30-е гг. XIX века.

Подробности создания Черноморской береговой линии и проведение блокады побережья имеются в сборнике документов, связанных с деятельностью адмирала М.П. Лазарева.

В советское время вышли в свет такие сборники документов, как: «Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801-1839», «Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом» и «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов».³ Подборка материалов в них призвана была доказать агрессивность царизма по отношению к кавказским горцам, и подобный подход приводил к односторонности и предвзятости в освещении такого непростого явления, как т.н. Кавказская война.⁴ Но, тем не менее, эти сборники содержат важный фактический материал, который в комплексе с другими источниками позволяет нарисовать объективную картину этого процесса.

Различные приказы, рапорты, донесения, письма и т.п. документальные свидетельства из хранилищ наместников Кавказа, которые затем оказались в МВД Грузии,⁵ были опубликованы отдельным сборником «Шамиль - ставленник султанской Турции и английских колонизаторов».⁴ Как заметил один из ведущих отечественных кавказоведов В.Г. Гаджиев, давая характеристику представленному в сборнике материалу, «...документы сами по себе совсем не плохие, настоящие. Только уберите придуманные составителями заголовки - вроде «О двуличной политике турецкого султана», - и будут, настоящие документы. Все дело в интерпретации».⁵ Они являются иллюстрацией тому, как Кавказ привлекал к себе внимание других государств, считавших его сферой своих геополитических интересов и добивавшихся здесь господства самыми различными

¹ Красный архив. - 1940. - Т. 5(102).

² Лазарев М.П. Сборник документов. - М., 1955. - Т.II.

³ Материалы для истории Дагестана и Чечни (Первая половина XIX века). - Махачкала, 1940, Материалы по истории осетинского народа. - Т.П.: Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. / Подготовлен В.С. Гальцевым. - Орджоникидзе, 1942; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сборник документов. - Махачкала, 1959.

⁴ Шамиль - ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов). / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. - Тбилиси, 1953.

⁵ Перевернутый мир... С.22.

способами. Подобные документы публиковались и ранее, но в меньшем объеме.¹

Ряд важных свидетельств по истории Дагестана содержится в сборнике «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы».² Приводимые факты позволяют составить представление об уровне хозяйственно-экономического развития ряда дагестанских народов.

Русско-адыгским торговым контактам посвящен сборник документов, составленный А.О. Хоретлевым и Т.Д. Алферовой.³ Он содержит материал по русско-кавказским торговым связям на Северо-Западном Кавказе.

Документы, характеризующие различные стороны государственной политики XIX века на территории современных северокавказских субъектов Российской Федерации, были опубликованы в сборниках материалов, подготовленных местными специалистами.⁴

В сборнике «Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг.» и «Кисловодск в исторических документах 1803-1917 гг.» содержатся важные материалы о деятельности местных властей по обустройству курортов, которые постепенно приобретали не только местное, но и общегосударственное значение.⁵

«Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках» содержит подборку материалов, посвященных такой актуальной теме, как взаимоотношение народов Северного Кавказа и Российской империи, непростые пути складывания российско-северокавказского единства.⁶ Ряд материалов относится к рассматриваемому периоду. Они свидетельствуют о неоднозначности и противоречивости шагов царской администрации по упрочению связей между российской стороной и горскими народами.

Особое место занимают мемуарные свидетельства лиц, побывавших на Кавказе в рассматриваемый период и оставивших описания тогдашней

¹ Адамов Е., Кутаков Л. Из история происков иностранной агентуры во время кавказских войн. Документы // Вопросы истории. – М., 1950. – № 11. – Ноябрь.

² История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. – М., 1958.

³ Русско-адыгейские торговые связи 1793-1860 гг. / Составители: А.О. Хоретлев, Т.Д. Алферова. - Майкоп, 1957.

⁴ Наш край (Документы, материалы. 1777-1917 гг.) К двухсотлетию г. Ставрополя. - Ставрополь, 1977; Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790 - 1917) / Сборник документов / Под ред. П.А. Шацкого, С.П. Шацкой. - Изд-во Ростовского ун-та, 1985.

⁵ Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. - Ставрополь, 1985; Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг. - Ставрополь, 1998.

⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. – М., 1998.

действительности.¹ При этом многие из них сами принимали непосредственное участие в различных акциях российской администрации в регионе, порой занимая весьма высокие посты.²

Сохранились воспоминания и тех, кто представлял интересы соперников России в крае. Их трактовка ситуации кардинально расходится с позицией российской стороны и позволяет по-иному оценить политику царской власти.³

Среди воспоминаний выделяется пласт декабристской мемуаристики. Учитывая, что большинство сосланных отличалось высокой эрудированностью и благожелательным отношением к местным народам, их труды дают возможность более объективно взглянуть на происходившие здесь события.⁴

Некоторые декабристы, будучи талантливыми поэтами и писателями, в своих произведениях использовали местный кавказский этнографический и исторический материал, что позволяет отнести данные работы к числу источников.⁵

То же следует сказать о произведениях великих русских поэтов А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, связанных с Кавказом и отличающихся взвешенной оценкой описываемых событий.⁶ Вызывают интерес и труды менее известных авторов, пробовавших себя на

¹ Броневский В. Поездка на Кавказ. - СПб., 1834. - Ч.4; Хицунов П. Заметки на пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных вод // Отечественные записки. - 1841. - Т.17. - №7-8; Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XIX вв.). - Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. - Нальчик, 1974 и др.

² Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. - СПб., 1851; Т. (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский Вестник. - 1869. - Т.80. - Апрель; Он же. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. - Нальчик, 1999; Шлаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. - СПб., 1870. - №7. - Июль; Генерал Засс (воспоминания) // Иллюстрированная газета. - 1873, - № 4, 5, 8; Филиппсон Г.И. Кавказская война. Воспоминания. - М., 1885; Граббе П.Х. Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе. 1839-1844 // Русский Архив. - 1888. - № 6; Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804-1873 гг. // Русская Старина. - 1888. - Апрель. - Год 19; Из архива князей Бековичей-Черкасских. С предисловием Е.Г. Вейденбаума // Кавказский сборник. - Тифлис, 1910. - Т.XXX и др.

³ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. (Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой). - Майкоп, 1993; Лошгорт Дж. А. Год среди черкесов. (Перевод В.М. Аталикова). - Нальчик, 2002 и др.

⁴ Семеновский М.И. Александр Бестужев на Кавказе. 1829-1837. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. - 1870. - Т.88. - Июль; Беллев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном с 1803 года // Русская старина. - 1881. - Сентябрь; К истории покорения Кавказа. Письмо Марлинского о Вельяминовском походе к Геленджику в 1834 году // Русский Архив. - 1877. - №9; Лорер Н.И. Записки декабриста. - Иркутск, 1984; Розен А.Е. Записки декабриста. - Иркутск, 1984; Трудные годы. Декабристы на Кавказе. - Краснодар, 1985.

⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. - М., 1981. - Т.2; Полежаев А.И. Сочинения. - М., 1988.

⁶ Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. - М., 1986. - Т. 2; М., 1987. - Т.3; Он же. Мысли о литературе. - М., 1988; Грибоедов А.С. Горь от ума, письма и записки. - Баку, 1989; Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. - М., 1988. Т.1; М., 1990. Т.П.

литературном поприще и связавших сюжеты своих произведений с регионом.¹

И, наконец, важные свидетельства, позволяющие лучше понять менталитет горцев, дает их фольклор. Героические песни, предания и сказания жителей Кавказа собирались исследователями и неоднократно публиковались в различных сборниках.²

Другим источником по этому вопросу можно считать рассказы и исследования, написанные выходцами из этих мест. Они касаются разных сторон жизни и быта горцев и отличаются большой информированностью по данному вопросу.³

Важным, несущим существенный пласт информации источником, является изобразительное искусство.⁴ Оно позволяет использовать зрительную память современников и очевидцев событий и более полно восстанавливать картину произошедшего. В исследовании привлекаются портреты, картины, рисунки и т.п. Г.Г. Гагарина, И.Л. Мейера, Н.И. Поливанова и других авторов, которые помогают восстановить дух эпохи.

Практическая значимость работы заключается в применении ее материалов и положений при написании обобщающих и конкретных работ по истории Северного Кавказа, при подготовке спецкурсов в вузах и среднеспециальных учебных заведениях, в школьной учебно-воспитательной практике и в лекционно-пропагандистской работе. Данные также можно применять в политологических исследованиях, посвященных Северному Кавказу. Не исключен интерес к теме и лиц, облеченных государственной властью, т.к. накопленный опыт не потерял своей актуальности и в наши дни. В настоящее время работа уже отмечена и используется специалистами-историками.

Положения, выносимые на защиту:

- Кавказ имел важное геополитическое значение для Российского государства. Только установив контроль над этим регионом, можно было добиться безопасности южных рубежей страны.

- В своем исследовании автор показывает, что на Северном Кавказе Россия столкнулась с таким явлением, как набеговая практика горцев и сопутствующее ей «пленопродавство». Это было вызвано переходом ряда местных народов к раннефеодальным отношениям и сменой правящих элит. Вмешательство России в этот процесс стало одной из причин т.н. Кавказской войны.

¹ Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. - Ставрополь, 1986.

² Антология чечено-ингушской поэзии. - Грозный, 1981; Кабардинский фольклор. / Общая ред. Г.И. Бройдо. - Нальчик, 2000.

³ Хан-Гирей. Избранные произведения / Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. - Нальчик, 1974; Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. - Нальчик, 1987. и др.

⁴ Виноградов В.Б., Чернова Л.Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве (досоветский период). - Армавир, 1995.

- По мнению исследователя, в рассматриваемый период слабеет влияние османского и персидского фактора на ситуацию в крае. В результате двух победоносных войн Россия сумела вытеснить своих традиционных соперников с Кавказа, что позволило активизировать процесс распространения власти империи на народы региона.

- Англия активно стремилась вовлечь народы Кавказа в войну с Россией, пытаясь таким образом распространить собственное влияние на новые территории. Борьба с происками английской агентуры являлась одной из важнейших задач российской политики на Северном Кавказе.

- Российское правительство видело в торговле с горскими и кочевыми племенами Северного Кавказа ключ к мирному освоению региона. Однако избежать эскалации напряженности в крае только с помощью этих мер не удалось.

- Продолжался процесс экономического освоения региона. Получили дальнейшее развитие земледелие, животноводство, были достигнуты успехи в курортном деле и т.п. Но этот поступательный процесс сдерживало наличие в стране крепостнического порядка и разраставшаяся «Кавказская война».

- Государственная власть способствовала казаче-крестьянской колонизации края, что позволяло надежно освоить регион., При этом Северный Кавказ оставался родиной для коренных народов, от которых добивались преимущественно лишь отказа от враждебных акций по отношению к России.

- Важное место в российской политике отводилось культурно-просветительскому направлению. С помощью миссионерской деятельности, просвещения стремились изменить менталитет местных народов. Однако на быстрые результаты по объективным причинам рассчитывать не приходилось, и потому развязать тугой узел кавказской проблемы только мирными средствами не удавалось.

- По-прежнему власти шли на применение силовых акций, рассчитывая с их помощью «умиротворить» регион. Основные сражения разгорелись на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе. Возобладали иллюзии покончить с сопротивлением «немирных» народов одним решительным ударом с помощью эпизодических экспедиций. Но на практике это лишь приводило к осложнению ситуации.

- При всей противоречивости российской политики на Северном Кавказе в рассматриваемый период следует, по мнению автора, признать, что для нее было характерно стремление к мирному решению проблемы освоения региона, но в сложившейся ситуации это получалось далеко не всегда.

Апробация работы. Результаты исследования были обнародованы на международных, общероссийских и региональных конференциях: «Историческое регионоведение Северного Кавказа - ВУЗу и школе: Материалы Шестой Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию научно-педагогической школы В.Б. Виноградова».

- Армавир, 1999; «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции». - Армавир, 2000; «IV Минаевские чтения по археологии, этнографии, и музееведению Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции». - Ставрополь, 2000; «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции». - Ставрополь, 2001; Северный Кавказ в условиях глобализации; Тезисы Всероссийской научно-практической конференции». - Майкоп, 2001; Западноевропейская цивилизация и Россия: пути взаимодействия: Материалы научной конференции» Ставрополь, 2001; «Северный Кавказ; геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции» - Ставрополь 2001; «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Тезисы докладов III Международного конгресса. Симпозиум V. Проблемы истории Северного Кавказа и современность». - Пятигорск, 2001; «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы , Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции». - Армавир, 2002; «Материалы международной научной конференции «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». - Армавир, 2002; «Историческое регионоведение Северного Кавказа - ВУЗу и школе: Материалы 8-1 всероссийской научно-практической конференции» - Армавир, 2003; «Ставрополь - врата Кавказа: история, "экономика, культура,, политика: Материалы Региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя». - Ставрополь, 2002; «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции». - Ставрополь, 2003. Ряд статей опубликован в журналах и сборниках, вышедших в' Москве, Краснодаре, Ставрополе, Армавире, Майкопе, Пятигорске, Ростове-на-Дону. По теме диссертации выпущена монография объемом 30,88 'п.л. Диссертация обсуждалась на кафедре социально-гуманитарных наук Пятигорского государственного технологического университета.

Структура исследования определяется его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, тринадцати параграфов, заключения, примечаний, списка использованных источников и литературы, иллюстраций и карт.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Влияние внутренних и внешних факторов на северокавказскую политику государства» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Значение и особенности кавказского вопроса для России» освещается ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в

изучаемый период. Раскрываются внутренние, внешние, а также субъективные факторы, определявшие действия и поступки российской администрации.

Кавказ традиционно имел важное значение для Российского государства. Объяснялось это, прежде всего, геополитической необходимостью, на что указывали уже дореволюционные историки. Нужда в твердых границах толкала Россию на присоединение новых территорий, и кавказский перешеек как нельзя лучше подходил для этой цели. Часть населения Кавказа, исповедующая христианство, рассматривалась как естественный союзник в противостоянии с соперниками в лице Персии и Османской Порты. Помощь ему представлялась мессианским долгом русского народа. Дальновидные политики указывали на важность Кавказа для русской торговли. В перспективе предполагалось приступить к разработке полезных ископаемых, использовать регион как рынок сбыта российских товаров.

Российская общественность проявляла огромный интерес к этим местам. Народы Кавказа наделялись самыми различными характеристиками в зависимости от того, как относился к ним тот или иной исследователь, насколько он был информирован. Соответственно предлагались различные рецепты по «умиротворению» края. Но объединяла такие подходы мысль о том, что Кавказ должен стать органичной частью единой державы и это будет благом для всех народов Российского многонационального государства.

Процесс вхождения Кавказа в состав России был не единовременным актом. Приходилось преодолевать сопротивление сопредельных стран, которые также стремились распространить свое влияние на этот регион. После того, как было принято политическое решение о включении Грузии в Российскую империю, разразилась война с Ираном, а затем с Турцией. Успехи русского государства вызвали противодействие Англии и Фракции, в свою очередь проводивших активную экспансию на Востоке. Несмотря на все эти преграды, России удалось присоединить основную часть края и формально считаться владелицей этих земель. Но говорить о реальном контроле над полученной территорией не приходилось. Здесь проживали многочисленные и воинственные горские племена, многие из которых находились на таком уровне социально-политического развития, когда происходит переход от родоплеменных к раннефеодальным отношениям; идет образование собственной государственности. Этот процесс сопровождался повышенной военной активностью, находящей выражение в набегах с целью захвата пленных и добычи. Попытка пресечь этот процесс, предпринятая российской администрацией, распространение имперских судебно-административных институтов в регионе, непрерывающееся вмешательство иностранных государств, привели к разрастанию военного конфликта в регионе, известному как «Кавказская война».

Второй параграф «Российско-персидская и российско-османская борьба за Кавказ» посвящен противоборству Российской империи с Ираном и Турцией, стремившимся к распространению собственного влияния на регион.

Процессу вхождения Кавказа в состав Российской империи активно противодействовали Крал и Турция. Персидский шах, подстрекаемый Англией, стремился вернуть потерянные на Кавказе позиции и, рассчитывая, что после смерти Александра I в России вспыхнут династические распри, начал в 1826 г. войну. Добившись некоторых тактических успехов, иранские войска вскоре начинают терпеть одно поражение за другим. Надежды поднять восстание горцев в тылу русских войск оказались неосуществленными. Не помог даже подкуп ряда известных военных предводителей, имевших авторитет среди местных племен. В итоге был подписан Туркманчайский мир, значительно упрочивший позиции России в регионе. Трагическая гибель русской миссии в Тегеране не поколебала этого положения. Влияние на ситуацию в Иране традиционных соперников российской дипломатии - британцев - еще больше слабеет после прихода в 1834 г. к власти шаха Мохаммеда, известного своими антианглийскими настроениями. Но такой расклад, сил продолжался недолго, т.к. наметившееся российско-османское сближение настораживало Иран, и с начала 40-х годов, начинается постепенное охлаждение в его связях с северным соседом. Что касается рассматриваемого периода, то следует констатировать свертывание какой-либо активности Персии по отношению к народам Северного Кавказа после того, как была проиграна война 1826-1828 гг.

Успехом увенчалось и противоборство р Османской Портой. Турки, используя имеющееся у них влияние на народы Северо-Западного Кавказа, заранее готовились к боевым действиям против России. Усилив гарнизон Анапы, они заручились обещанием поддержки со стороны некоторых адыгских и абазинских племен. Появилась султанская агентура в Дагестане и Чечне. Пытаясь привлечь на свою сторону горцев, эмиссары применяли привычные лозунги о войне с неверными, как богоугодной обязанности истинных мусульман, подкрепляя это. деньгами и оружием. Но основная часть народов Кавказа осталась равнодушной к этим проповедям. Турки потеряли Анапу, Пота, Батуми и ряд других крепостей," потерпели поражения на подступах к собственной столице и запросили мира. Адрианопольский мир 1829 г. ознаменовал собой юридическое включение Кавказа в состав Российской империи. Хотя Турция полностью не отказалась от попыток повлиять на кавказские племена, она, тем не менее, вынуждена была формально дистанцироваться от происходящих здесь событий. Турецкие купцы, приезжавшие на Кавказ с контрабандным товаром, отныне не могли рассчитывать на поддержку официального Стамбула. Ункяр-Искелесийский договор еще больше привязал Порту к России. Султан был кровно заинтересован в реальной поддержке его борьбы с мятежным вассалом - египетским пашой Мухаммедом Али,

которую предоставлял Николай I. Однако усиление позиций Англии в Турции, неспособность царизма эффективно решить «черкесский вопрос» приводят к обострению военной напряженности на Северо-Западном Кавказе. Вновь происходит ухудшение российско-османских отношений и активизация турецкой помощи антирусским" силам в крае, в надежде вернуть потерянное влияние на местные племена.

В параграфе третьем «Российско-британское противостояние на Кавказе» дается оценка противоборства России и Англии за возможность распространить свой контроль над краем, имеющим важное геополитическое значение.

Главным внешнеполитическим соперником России на Кавказе в 30-е годы XIX века стала Англия. Не сумев справиться с «русской угрозой» руками турок и персов, англичане начинают активно использовать собственную агентуру в борьбе против российской власти в регионе (преимущественно на Северо-Западном Кавказе). Интерес Британии к Кавказу объяснялся ее экспансионистскими устремлениями на Востоке и прикрывался заявлениями о необходимости защищать Индию, на которую якобы покушалась Российская империя.

Своей антирусской деятельностью выделялся Д. Уркарт, сумевший спровоцировать выступление ряда черкесских племен против России. Он всячески стремился дискредитировать действия царской администрации на Кавказе," призывал не признавать "условия Адрианопольского мира 1829 г. Будучи секретарем британского посла в Константинополе, он стал одним из главных инициаторов в организации провокации с отправлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» с контрабандным товаром. Разразившийся в связи с этим скандал можно считать наиболее значимым российско-британским конфликтом вплоть до Крымской войны. Помимо Уркарта, на Кавказе действовали Спенсер, Белл, Лонгворт и ряд других подданных Великобритании. Англичане всячески стремились придать «черкесскому вопросу» международный статус, для чего создавали т.н. черкесское правительство, участвовали в подготовке «Декларации независимости Черкесии». Даже уступки России в отношении черноморских проливов на Лондонских конференциях 1840 и 1841 гг. не привели к пересмотру британскими правительственными кругами своих взглядов по кавказской проблеме. Англичане лишь начали действовать более изощренно, организовав и используя в регионе русофобски настроенных польских националистов.

Вторая глава «Хозяйственно-экономическая, колонизационно-переселенческая, административно-судебная и культурно-просветительская политика России на Северном Кавказе» состоит из пяти параграфов.

Первый параграф «Хозяйственно-экономическое освоение Северного Кавказа» содержит обзор действий российской администрации по хозяйственному обустройству Северного Кавказа.

Хозяйственно-экономическое освоение Северного Кавказа являлось одной из стратегических задач в российской политике в регионе. Без этого добиться прочного присоединения края к империи было невозможно. Особое внимание уделялось винодельческой отрасли, центром которой оставался Кизлярский уезд. Но, несмотря на заботу со стороны местной власти к нуждам северокавказских виноделов, эффективной отдачи не получилось. Ошибки в налоговой политике, неумение противостоять разгулу стихии разоряли отрасль. Среди прочих причин, видимо, не последнюю роль играло то, что решать экономические проблемы приходилось военной администрации, недостаточно компетентной в этих вопросах.

Другой не менее важной отраслью было земледелие. Помимо таких традиционных для региона культур, таких как пшеница, ячмень, просо, рис, подсолнечник, поощрялось внедрение новых растений, например, кукурузы, которую специально для этого закупали в других местах. Но полностью решить проблему, обеспечения населения продовольствием за счет собственных ресурсов не удавалось и приходилось завозить его из соседних губерний. Более успешным было занятие садоводством и огородничеством. Среди разводимых технических культур выделялась марена, из корня которой производился широко востребованный российской текстильной промышленностью краситель. Это являлось частью общегосударственного экономического курса на сокращение зависимости от ввозимых иностранных товаров, в том числе заграничных красящих веществ.

Северный Кавказ оставался местом развития экстенсивного скотоводства. Оно являлось одной из основных статей доходов региона. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, отчасти верблюдов. Успехи в торговле шерстью -и шерстяными изделиями как на внутреннем рынке, так и за рубежом основывались, в том числе, и на кавказском сырье. Власть поощряла занятие свиноводством. На Каспийском, Черном, Азовском морях, на Тереке и Кубани была возможность заниматься рыбной ловлей, что также соответствовало политике дортижения экономического самообеспечения края и превращения его в дальнейшем в регион, способный пополнять государственную казну.

Большое значение придавалось производству шелка. Здесь впечатляющих успехов добился известный не только на Кавказе, в Центральной России, но и в Европе помещик А.Ф. Ребров. Однако его достижения были скорее исключением, т.к. отрасль не получила поддержки со стороны местных предпринимателей, предпочитавших менее обременительные хозяйственные промыслы.

Огромные перспективы скрывались за нефтяным промыслом, но в первой половине XIX века он еще не имел промышленного применения, а потому объемы добычи этого ценного сырья были невелики.

Успешное развитие региона сдерживали отсутствие удобных путей сообщения, политическая нестабильность, незаинтересованность в

должной мере отечественного капитала в местном рынке. Последнее во многом объяснялось сохранением в стране крепостнических порядков. Таким образом, медленное экономическое освоение края затрудняло воплощение в жизнь планов по мирному решению кавказского вопроса.

Параграф второй «Хозяйственно-экономическое развитие Кавказских Минеральных вод» содержит сведения о дальнейшем обустройстве курортов на территории Пятигорья. С отставкой А.П. Ермолова внимание властей к региону КМВ не ослабевало. Был создан даже специальный комитет, в задачу которого входило обеспечение благоустройства мест лечения и отдыха на Водах. Благотворной для курортов оказалась деятельность генерал-лейтенанта Г.А. Емануеля, способствующего строительству новых «купален», домов для размещения приезжающих, приложившего немало сил для устройства аллей и парков. Лучшей характеристикой возросшей популярности курортов стали их описания в произведениях гениев отечественной словесности А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.

Важное значение для статуса КМВ сыграло перенесение окружного центра из Георгиевска во вновь учрежденный город Пятигорск. В городе постепенно возводились разнообразные архитектурные постройки, которые наряду с природным ландшафтом делали его одним из красивейших в России. И здесь велика была заслуга братьев Бернардацци, которые приняли участие в обустройстве и других курортов на Водах.

- Большое внимание стали уделять почтовой связи курортов с другими регионами страны. С этой целью была организована экстрас-почта, действовавшая гораздо оперативнее обычной.

Местные жители, благодаря курортам, имели определенный доход от торговли. Можно с уверенностью утверждать, что в 30-е годы XIX века проблема обеспечения приезжающих продуктами питания была решена.

На курортах, прежде всего в Пятигорске, возникли собственные промышленные предприятия. Конечно, это были еще небольшие, скорее кустарного типа промыслы, но они, тем не менее, способствовали упрочению хозяйственной базы микрорегиона.

К сожалению, медицинское обеспечение лечебниц оставляло желать лучшего. Профессионализм многих докторов был не на высоте. Играло свою роль и слабое знание свойств минеральных источников. Впрочем, шага по исправлению такой ситуации предпринимались, о чем говорят труды Ф.П. Конради, исполнявшего должность главного врача на КМВ.

Отпугивало потенциальных посетителей и отсутствие комфортных условий на пути к Пятигорью. Небезосновательны были опасения **оказаться ограбленным и плененным «немирными» горцами.**

И все же приведенные факты свидетельствуют, что в рассматриваемый период курорты на КМВ продолжали успешно обустраиваться. Уже стало очевидно их государственное значение как одного из центров российской бальнеологии. Однако нестабильная военная ситуация, затруднительное общение с другими регионами страны

в связи с плохими дорогами, недостаток выделяемых средств на городское строительство тормозили их дальнейшее поступательное развитие.

В параграфе третьем «Колонизационно-переселенческие и административно-судебные процессы на Северном Кавказе» показаны шаги российских властей по колонизации Кавказской Линии и Черномории. Дается картина перемещения горского и кочевого населения в исследуемый период. Рассматриваются действия российской администрации по изменению управленческих и судебных институтов горских народов.

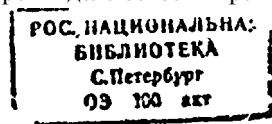
Процесс колонизации Северного Кавказа в конце 20-х - 30-е гг. XIX в. не прекращался. Российская администрация прекрасно отдавала себе отчет в том, что без дальнейшего заселения региона выходами из других губерний хозяйственно-экономическое и политическое освоение этих мест невозможно. Как и прежде предпочтение отдавалось казакам, которые могли не только защитить себя от «хищнических» набегов, но и принять участие в наступательных операциях Кавказского корпуса. Среди стратегически важных участков, подлежащих заселению в первую очередь, было Центральное Предкавказье, контроль над которым позволял изолировать народы Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа друг от друга, не давая им скоординировать усилия в борьбе против царской власти. Следил за воплощением этого замысла лично император Николай I, в 1837 г. побывавший на Кавказе. Основу вновь устроенных станиц Ардонской, Архонской, Урухской, Пришибской составили казаки малороссийских полков, до этого принимавшие участие в наведении порядка в Польше. В дальнейшем к уже имеющимся населенным пунктам прибавились новые.

В ходе проведения колонизации активно привлекались и военные поселенцы. В отличие от других губерний России на Кавказе этот опыт давал более положительные результаты и был оправдан.

Среди желающих перебраться в новые места значительную часть составляли однодворцы и другие казенные крестьяне. Правительство, поощряя подобную тенденцию, издавало соответствующие распоряжения, легализуя данный процесс. С целью усиления обороны Кавказской Линии многие из однодворцев были переведены в казачье сословие. Но наряду с официальными колонистами на Кавказ устремился и поток беглых крестьян, искавших здесь землю и волю.

Возросла численность населения Черномории. По инициативе властей происходило заселение Анапы и ее окрестностей. Однако непривычные климатические условия и непрекращающиеся нападения горцев затрудняли и тормозили этот процесс.

Стремясь к распространению европейского опыта ведения хозяйства в условиях Кавказа, власти всячески поощряли организацию здесь европейских колоний. Но, несмотря на всевозможные льготы и поддержку, они так и не стали определяющим фактором в деле освоения региона.

Среди шагов царской администрации, направленных на стабилизацию ситуации в регионе, были и такие меры, как перемещение ряда горских племен на территорию, контролируемую российскими властями. Зачастую это соответствовало их собственным нуждам, т.к. они получали доступ к плодородным землям и гарантию безопасности. Наиболее беспокойных представителей горцев и кочевников изолировали от соплеменников, высылая в глубь России.

Одновременно с переселенческими действиями царская администрация предпринимала шаги по усилению своего административного влияния в регионе. В 1828 г. были разработаны проекты Чеченского народного суда и Владикавказского инородного суда, за основу которых был принят ермоловский Временный кабардинский суд. Их открытие соответствовало политическому курсу на сближение Кавказа с правовым полем остальной части империи. Но, как показал опыт, эти шаги являлись преждевременными, не соответствовали местной специфике, и потому от них пришлось отказаться. Более жизнеспособной оказалась приставская система, внедрение которой свидетельствовало о желании российской власти учесть особенности жизни народов края. Приставы собирали различную информацию, проводили следствия по уголовным делам, пресекали беспорядки, но не имели права вмешиваться в вопросы бытового характера. Впрочем, на практике истинные или мнимые злоупотребления этих, должностных лиц не раз становились причиной недовольства местных племен.

Четвертый параграф «Российско-горская торговля» подвергает анализу торговые контакты между российской стороной и горскими народами. Торговля являлась важной составляющей хозяйственно-экономической жизни региона. В ней российская администрация видела возможность мирного решения кавказского вопроса, небезосновательно считая ее альтернативой войне. Горцы, издавle занимаясь земледелием, животноводством, различными кустарными промыслами, стремились предложить плоды своего труда на продажу и, в свою очередь, приобрести нужные им товары. Российское правительство стремилось поставить данный процесс под свой контроль, считая, что это позволит влиять на горцев, изменять их воинственные нравы. С этой целью открывались меновые двory и соляные магазины, но существенным недостатком подобных учреждений был натуральный характер торговых операций и неэквивалентные цены, назначаемые царской администрацией. Все это предопределило кризис меновой торговли. Таким образом возникло стремление горцев и русских обходить бюрократические препоны, тайно устанавливая торговые связи друг с другом. Куда более успешно развивалась ярмарочная торговля, обороты которой с каждым годом возрастали, но она носила эпизодический характер и полностью удовлетворить потребности в товарообмене не могла.

Примером эффективной торговой деятельности служили успехи армянских купцов. Они проникали в глубь горских территорий, где,

пользуясь покровительством своих кунаков из числа местных народов, прибыльно обменивали привезенный товар. В казачьих станицах, городах и крепостях армяне имели постоянные лавки. Царская администрация колебалась в отношении к их деятельности: от запрещения армянской торговли, как нежелательной конкуренции, до поощрения, ввиду ее благотворного влияния на горское население, привлекаемое, таким образом, к мирной жизни.

Собственный опыт по организации торгового попечительства для налаживания обмена с черкесами и абазинами закончился неудачей. Ожидалось получить от проекта не столько экономическую выгоду, сколько средство от набегов, что в конкретных исторических условиях было утопией. Впрочем, отрицать благотворное воздействие торговли на горцев нельзя, и опыт налаженного по инициативе Н.Н. Раевского в черноморских укреплениях обмена соли на горские «произведения», тому яркое подтверждение.

Сама по себе торговля не могла разрешить тугой узел Кавказской проблемы. Колебания российской власти от запрещения торговли к ее поощрению вполне закономерны. Мирный выход из сложившейся ситуации всегда оставался наиболее желанным для русского правительства, но, учитывая, что Кавказ продолжал иметь для страны военно-стратегическое значение, а для его экономического освоения Россия была еще не готова, становится очевидно, что преимущественно военные акции были основным реальным инструментом решения задачи по его «умиротворению». Социально-экономическое и политическое развитие сторон не оставляло в этот период другой возможности. Предполагаемые экономические выгоды российско-горской торговли подчинялись главной стратегической цели – «усмирению» горских племен.

В заключительном параграфе второй главы «Культурно-просветительская деятельность России в северокавказском регионе» рассматриваются методы разрешения кавказского вопроса с помощью образования и миссионерской деятельности.

Культурно-просветительская политика российского правительства на Кавказе была направлена на мирное решение имевшихся в регионе проблем. Предполагалось изменить нравы воинственных горцев и, таким образом, покончить с кровопролитием. С этой целью активно использовалась пропаганда христианских ценностей, и в этом взгляды официальных кругов и передовой российской общественности полностью совпадали. Среди тех, кто ратовал за «проповедование Евангелия», был А.С. Пушкин. Однако то, как велись проповеди, оставляло желать лучшего. Действующие миссионерские общества зачастую формально подходили к своим обязанностям, и поэтому полученные результаты были невелики. Сказывались также непрекращающиеся военные действия, в которые втягивалась значительная часть горских племен. В таких условиях проповедники подвергали свои жизни большой опасности, т.к. агрессивный мюридизм видел в них злейших врагов и призывал к

уничтожению. Помимо православного христианства свою деятельность на Кавказе осуществляли протестантские и католические миссионеры, но отношение к ним со стороны российских властей было настороженным. В них не без основания видели агентов враждебных России государств, а потому в конечном итоге удалили из региона.

Рассматривая мюридизм как враждебную секту, кавказская администрация привлекала для его разоблачения верное мусульманское духовенство, которое должно было внушать населению послушание воли российского императора.

Для гарантии преданности местных племен у них брали заложников-аманатов. Предполагалось, что если привить им основы российской культуры, они в дальнейшем станут распространять ее среди своего народа. С этой целью организовывались специальные аманатские школы, в которых детей горских и кочевых народов учили русской грамоте. Помимо этого некоторых из них отправляли в другие российские учебные заведения, устраивали на воспитание в русские семьи. Из горцев был сформирован «Лейб-гвардии Кавказско-горский полужескадрон его величества конвоя», в котором проходили службу такие известные кавказские просветители, как Хан-Гирей, Шора Ногмов, Казы-Гирей и др.

Учитывая огромное значение светского образования, власти предпринимали шаги по его устройству на Северном Кавказе. Открывались школы, училища, гимназии. Существенным успехом стало открытие Ставропольской гимназии осенью 1837 г. Помимо государственных учебных заведений открывались еще и частные. Но в 30-е годы предпринятые меры еще не носили системного характера, хотя и свидетельствовали о возросшем внимании властей к этой сфере.

Развитие светского образования, проводимая миссионерская деятельность внесли немалую лепту в дело умиротворения Северного Кавказа. И хотя официальные власти в целом позитивно оценивали роль просвещения в этом процессе, должного финансирования образование не получило. Объяснялось это как продолжающимися боевыми действиями на Кавказе, забирающими львиную часть средств, так и общим скудным содержанием образовательных учреждений в николаевской России. И все же предпринимаемые действия способствовали взаимному культурному «узнаванию» России и горцев, что сыграло важную роль в прекращении т.н. Кавказской войны.

Глава третья «Военно-политические акции российского командования на Северном Кавказе» включает в себя пять параграфов.

Первый параграф «Военно-политические планы российского командования по «умиротворению» региона» посвящен раскрытию замыслов царского командования по покорению региона.

Без применения силовой составляющей распространение российской власти на Северном Кавказе было невозможно. Неудивительно, что военные планы «умиротворения» региона находились в центре внимания правительства и лично императора Николая I. После побед над Персией и

Османской империей в очередной раз возникает иллюзия столь же быстрой победы над «немирными» кавказскими племенами. За основу был взят проект И.Ф. Паскевича, предлагавшего путем широкомасштабного вторжения в горы отрезать их обитателей от равнин и вынудить признать власть царизма. В отличие от ермоловского принципа постепенности, этот план был рассчитан на одну кампанию и не учитывал тех серьезных изменений, которые произошли в недрах горских обществ и были связаны с распространением воинственного мюридизма на Северо-Восточном Кавказе. Что касается Северо-Западного Кавказа, то здесь генерал-фельдмаршал не принял во внимание опыт Турции, безуспешно пытавшейся подчинить себе многочисленные и воинственные черкесские племена, живущие в труднодоступной местности и в любой момент имевшие возможность уклониться от борьбы с превосходящими силами противника. Как следствие, воплощение в жизнь замысла И.Ф. Паскевича оказалось безрезультатным, и отозванный с Кавказа, он потребовал придерживаться исключительно оборонительной тактики, считая, что она является лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Другие кавказские генералы также разрабатывали собственные рецепты военного покорения беспокойного края. Так, Г.А. Емануэль предлагал устроить дополнительную, резервную линию обороны, которая позволила бы с большим эффектом противостоять горским набегам. И в дальнейшем он настаивал на возведении дополнительных крепостей, усматривая в этом единственную возможность осуществлять контроль над воинственными обитателями местных твердынь. Однако сил и средств на это не нашлось, и предложения Г.А. Емануэля так и остались на бумаге.

Но полностью от замысла возведения новых укрепленных линий не отказались. Назначенный осенью 1831 г. в качестве командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Г.В. Розен также в конечном итоге пришел к выводу, что необходимо строить опорные пункты в глубине горских территорий. И здесь особое внимание он уделял Черноморскому побережью Кавказа. Но, как показали дальнейшие события, ожидаемого эффекта подобные действия не принесли.

Признанным авторитетом в оценке кавказских реалий был генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, сподвижник А.И. Ермолова. Он настаивал на организации новых казачьих станиц в местах, которые горцы использовали для разведения своих коней. Таким образом, решались сразу две задачи. «Набежчики» теряли мобильность, а Линия получала новых защитников, в значительной степени содержащих самих себя. Строительство обычных укреплений такого результата дать не могло, и с экономической точки зрения было разорительно для государства. Резко высказывался генерал против попытки запретить «репрессалии», небезосновательно считая, что это активизирует горские набеги, т.к. исчезнет страх ответного возмездия. При этом он указывал на тщетность достичь успеха в «умиротворении» края, если рассчитывать только на отдельные разрозненные, пусть даже многочисленные экспедиции. Настаивал генерал и на усилении контроля

за черноморским побережьем, чтобы пресечь непрекращавшуюся контрабандную торговлю, несущую вред российским интересам в крае.

В целом, следует признать предложения А.А. Вельяминова наиболее обоснованными с военной точки зрения, но они требовали куда больших затрат, нежели предполагал сам разработчик.

Вельяминовские идеи звучат в проекте Г.Х. Засса, настоявшего на целесообразности перенесения кордонной Линии с Кубани на Лабу. С 1839 г. он начинает здесь строительство укреплений, которые затем были дополнены казачьими станицами.

По-своему компромиссной была стратегия, задуманная генералом Е.А. Головиным. Он предлагал ускорить строительство укреплений и коммуникаций в Дагестане и, опираясь на них, непрерывно тревожить неприятеля сильными отрядами. Но Николай I настоял на решительном применении экспедиций и навязывании горцам «генерального» сражения.

Впрочем, российские военные не ограничивались исключительно жесткими методами решения кавказского вопроса, основанными на силе. Особенно это касалось офицеров-горцев, к которым не раз обращались с предложением изложить свой взгляд на «умиротворение» Кавказа. Они видели выход из сложившейся ситуации в различных судебно-административных и культурно-просветительских шагах властей.

Приведенное многообразие мнений и оценок свидетельствует о сложности стоящих перед российскими властями на Кавказе задач. Решать их приходилось самыми разными способами. Предпринимаемые военные усилия подразумевали и проведение административных, судебных, переселенческих, культурных преобразований. Все это позволило в конечном итоге выработать общую, достаточно сбалансированную стратегическую линию и завершить «Кавказскую войну». Показательно, что и в наши дни опыт по «дозированному» применению силы против непримиримых врагов и непрестанному поиску диалога с мирным населением, накопленный российскими военными в XIX веке, востребован и высоко ценится их коллегами, ведущими антитеррористическую борьбу на Кавказе.

Второй параграф Сбор стратегической информации о Северном Кавказе в конце 20-х - 30-х годах XIX века раскрывает специфику накопления информации о регионе в конце 20-х - 30-е годы XIX века.

Проводить продуманную и взвешенную кавказскую политику российское правительство могло лишь в том случае, если обладало разносторонней и объективной информацией об этом регионе. Поэтому сбор и анализ сведений о крае стал первостепенной задачей для кавказской администрации. В условиях военной конфронтации делать это приходилось с огромным трудом, зачастую тайно. Основная тяжесть выполнения подобных заданий легла на плечи офицеров Генерального штаба. В ходе достижения поставленной цели некоторые из них гибли от рук горцев, другие оказывались в неволе и только после тяжелейших испытаний обретали свободу.

В первую очередь собиралась информация топографического характера, позволявшая составить карты, столь необходимые российским военным. Помимо этого, сведения о полезных ископаемых, хозяйственных занятиях местных жителей, их истории и т.п. также вызывали интерес у исследователей. Сбор таких разносторонних материалов давал возможность выработать комплексный подход при решении «Кавказского вопроса», т.к. учитывались различные аспекты жизни горских, и кочевых народов края. Полученная информация ложилась в основу таких обобщающих работ о регионе, как «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» И.Ф. Бларамберга, «Обзор политического состояния Кавказа» А.И. Мендому и др.

Особое значение имели сведения об обычаях и нравах кавказских народов, собранные и проанализированные выходцами из этих мест. Среди них, безусловно, выделяются труды Хан-Гирея, Шоры Ногмова и т.д. К сожалению, повышенный интерес к краю со стороны потенциальных соперников из числа иностранных государств заставлял засекречивать, эти материалы от широкой общественности.

Следует констатировать, что, хотя большинство проведенных исследований имело, прежде всего, военно-практическую направленность, они, вместе с тем, позволяли составить общую картину Кавказа и населявших его народов, что делает их важными и научно востребованными источниками до настоящего времени.

В третьем параграфе «Военно-политические акции в Дагестане и Чечне» даются картины вооруженного противостояния царской власти с «немирными» горцами на Северо-Восточном Кавказе.

Северо-Восточный Кавказ являлся наиболее значимым «очагом» т.н. Кавказской войны. Именно здесь пустило корни воинственное идеологическое течение ислама - мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень. Здесь происходили наиболее кровавые сражения между царскими войсками и «немирными» племенами.

Во время войны с Персией российскому командованию удалось сохранить относительное спокойствие в крае. И.Ф. Паскевич настаивал на мирном разрешении возникающих конфликтов, закрывая глаза на отдельные случаи «хищничеств». Но наступившее затишье было обманчивым, т.к. в горах все шире разворачивал свою пропаганду Казимуллы. Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни. В Казимуллы российская власть увидела опасного соперника, претендовавшего на влияние в регионе, и попыталась устранить его с помощью армии. Показательно, что действенных шагов в сторону попытки договориться с ним не предпринималось. Для борьбы с имамом перебрасывались дополнительные силы, но он, искусно уклоняясь от сражений, наносил все новые неожиданные удары. Ему удалось держать в блокаде крепость Бурную, Внезапную, разграбить Кизляр и осадить

Дербент. Его успехи, приукрашенные молвой, привлекали под знамена мюридизма все новых участников. В конечном итоге Кази-мулла окружили в ауле Гимры, где он в ходе кровопролитного боя был убит. Но это не привело к желанному успокоению и прекращению мюридизма. Новым имамом стал Гамзат-бек, продолживший дело своего предшественника. Он начал подчинять себе различные горские общества, но был убит кровниками, отомстившими за истребление аварского ханского дома. Ситуация вокруг Гамзат-бека в контексте российской политики любопытна тем, что на этот раз власть не спешила расправиться со своим новым противником, а заняла выжидательную позицию. Да и сам новоявленный имам не торопился идти на обострение, помня печальную участь своего предшественника.

Подобная практика некоторое время сохранялась и тогда, когда на смену Гамзат-беку пришел Шамиль. Но, очень скоро убедившись, что этот горский предводитель по своим качествам существенно превосходит своих предтеч, царская администрация делает очередную корректировку в своей политике. От стороннего наблюдения она начинает искать возможность договориться с имамом, привлечь его на свою сторону. В период 1835 и 1836 гг. активных военных столкновений на Северо-Восточном Кавказе не происходило, а российская власть вела переписку с Шамилем как с авторитетным, но все же, по мнению царских генералов, неравным партнером. Однако растущие амбиции имама, его активность и неуступчивость стали причиной новой попытки с помощью военной силы устранить эту неудобную фигуру. Но поход генерал-майора Фезе 1837 г., предпринятый с этой целью, оказался неудачен. Шамиль сохранил свою власть, хотя и выдал аманатов. Он подтвердил свою дееспособность как влиятельного владыки, умеющего объединять вокруг себя часть горских народов, а потому с ним в очередной раз попытались договориться. Успехом, эти усилия не увенчались. Надежда на встречу Шамиля с Николаем I не оправдалась, т.к. имам не принял этого предложения. И вновь, как это было прежде, решили закончить противоборство одним ударом. Резиденция Шамиля в ауле Ахульго в 1839 г. была окружена и взята после долгой осады. Но сам имам сумел ускользнуть. Расчеты на то, что его авторитет подорван этим поражением, не оправдались. Непродуманные шаги, направленные на административное обустройство Чечни, привели к восстанию местных жителей, и они вновь призвали Шамиля возглавить их борьбу.

Таким образом, на протяжении конца 20-х - 30-е гг. XIX в. мы видим существенную трансформацию в российской политике на Северо-Восточном Кавказе. От попытки исключительно силового решения проблемы (устранение Кази-моллы) произошел переход к выжидательной позиции (по отношению к Гамзат-беку), а затем появляется стремление договориться с горским лидером в лице Шамиля, и лишь осознав невозможность сделать это, убрать его силами армии.

Параграф четвертый «Военно-политические акции на Центральном и Северо-Западном Кавказе» анализирует специфику борьбы за установление контроля над народами, проживающими против Центра и Левого фланга Кавказской Линии.

Ситуация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в рассматриваемый период оставалась далеко не спокойной. Здесь приходилось вести нелегкую борьбу с местными племенами, которые участвовали в набегах на российскую Линию. Важнейшей задачей являлось установление контроля над горной Ингушетией и Осетией, т.к. по этой территории проходила стратегическая коммуникация, связывавшая Закавказье с остальной империей - Военно-Грузинская дорога. Для решения этой задачи в 1830 г. были организованы военные экспедиции под командованием генерал-майора Ренненкампа и генерал-майора Абхазова, в результате которых осетины и ингуши подчинились российской администрации и стали привлекаться для обслуживания горной магистрали. Ускорился процесс переселения местных племен на равнину.

Чтобы пресечь нежелательные связи племен Западного и Восточного Кавказа, осенью 1828 г. Г.А. Емануэль совершил поход против карачаевцев, закончившийся «замирением» этого народа. В дальнейшем карачаевцы воздерживались от участия в «Кавказской войне»; т.к. мирные отношения с российской властью были гораздо выгоднее для них, нежели конфронтация.

Немало сил затрачивалось в противоборстве с закубанцами, не раз совершавшими серьёзные прорывы в глубь российской территории. Борьба с ними затруднялась тем, что до Адрианопольского мира 1829 г. закубанцы считались подданными турецкого султана¹ и не раз получали от него

Но и после того, как Северо-Западный Кавказ стал формально принадлежать Российской империи, накал борьбы не спал. Далеко не случайно, что именно здесь раньше всего вернулись к ермоловской тактике, оправдавшей себя на Сунже и в Кабарде. Г.Х. Засс, обративший против горцев их же практику набеговой войны, стал инициатором переноса укреплений с Кубани на Лабу, которая позволила создать предпосылки для дальнейшего прочного закрепления этих территорий за Россией.

В пятом параграфе «Создание Черноморской береговой линии» рассматриваются шаги российского командования по устройству блокады на Черноморском побережье Кавказа.

Для пресечения связей причерноморских племен с другими державами, прежде всего Турцией, являвшейся главным импортером рабов, поступавших с Кавказа, и таким образом стимулировавшей набеговую практику, а также поставлявшей порох и оружие местным народам, России пришлось возводить на восточном берегу Черного моря целую серию крепостей, которые вместе с флотом должны были прикрыть южные рубежи государства. Подобный шаг имел и важное политическое

значение. Россия, таким образом, утверждала свое присутствие в регионе, показывала, что способна контролировать новые, расширившиеся границы. Это была сложная задача, потребовавшая значительных усилий. Первоначально блокада побережья проводилась преимущественно средствами флота, но добиться необходимого результата не удавалось. И тогда начинается строительство укреплений, гарнизоны которых должны были участвовать в патрулировании суши. Возведение этих фортификационных сооружений производилось как отрядами, действующими со стороны Кубани, так и с моря, силами морских десантов.

Но, как показала практика, возвести укрепления было легче, чем удержать их. Тяжелый, непривычный климат, скудная, однообразная пища стали причиной высокой смертности среди гарнизонов. Горцы непрестанно тревожили их своими нападениями. Добиться полного прекращения контрабандной торговли так и не удалось, хотя ее масштабы и сократились. Многообещающим оказался опыт использования укреплений в качестве центров торговли с местными племенами. Падение нескольких крепостей в 1840 г. показало уязвимость установленной блокады, но одновременно свидетельствовало, что укрепления действительно служили препятствием для турецких купцов. Однако бесконфликтно занять освобождающуюся от зарубежных конкурентов нишу российская администрация не сумела, а потому конфронтация с оказавшимися на грани голода горцами только усилилась.

Безусловно, строительство укреплений само по себе не могло привести к «замирению» беспокойных горцев, но, являясь частью системы военных, экономических, дипломатических мер, оно приближало завершение т.н. Кавказской войны и способствовало стабилизации на Северо-Западном Кавказе.

В *заключение диссертации* на основании проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Политика, проводимая российской администрацией, определялась теми внутри- и внешнеполитическими факторами, которые влияли на ситуацию в изучаемом регионе. Так, часть горских народов в этот период находилась на стадии перехода к феодальному обществу, что обеспечивало их повышенную социальную активность и, как следствие этого, военную экспансию на равнину, направленную, прежде всего, против Кавказской Линии и Черномории. Это был не единовременный акт, а растянувшийся на долгие годы процесс. В рассматриваемое время он имел свои особенности, которые выразились в обострившейся борьбе между старой и новой горскими элитами, конкурирующими за власть. Весьма показательным, как настойчиво боролись новоявленные имамы Дагестана и Чечни с аварским правящим домом, и это противостояние закончилось гибелью последнего. Вмешательство России в этот процесс привело к усилению конфронтации и обернулось эскалацией напряженности в регионе. Новая знать далеко не сразу была понята и принята царизмом,

поддержавшим изначально социально близких феодалов старой формации. Отсюда бескомпромиссность борьбы части горских обществ против России, в которой к тому же видели чуждую силу, вмешивающуюся и пытающуюся повлиять на традиционный уклад жизни местных племен. Следует учитывать и тот факт, что экономика горцев не достаточно обеспечивала население необходимым количеством продуктов и вещей, что также заставляло их пускаться з набеги. Горский менталитет оправдывал подобные действия, считая это удачно и молодчеством, для российских же поселян данные набеги были «хищничеством», которое следовало пресекать и карать. По мере распространения имперских порядков на Кавказе борьба горцев начинает все больше приобретать национально-освободительный характер. Впрочем, данное определение следует использовать только в силу устоявшихся традиций, т.к. оно явно противоречит кавказским реалиям первой половины XIX века уже потому, что говорить о нациях в это время не приходится. Происходит трансформация набеговой системы от преимущественно промысловой к военно-оборонительной.

Блестящие победы, одержанные Россией над традиционными соперниками в лице Турции и Ирана в конце 20-х годов, привели к тому, что их влияние на народы Северного Кавказа в последующее десятилетие резко падает. Османский и персидский фактор перестает создавать острую угрозу российским интересам в регионе. С одной стороны, это гарантировало кавказскую администрацию от вмешательства эмисаров шаха и султана, которые своей агитацией склоняли горские племена к борьбе против русских, с другой - отсутствие реальной политической конкуренции порождало чувство вседозволенности, создавало иллюзию быстрого, преимущественно военного решения кавказского вопроса.

Активизация английской агентуры на Северо-Западном Кавказе в 30-е гг. XIX в. была возможной и имела успех лишь потому, что местные племена все сильнее втягивались в вооруженное противоборство с Россией и искали себе союзников. Сами англичане, усиливавшие в это время свою экспансию на Ближнем Востоке, видели в кавказских горцах оружие, ослаблявшее их потенциального конкурента, кроме того, высказывались мнения о возможности использовать регион в качестве рынка сбыта товаров и источника сырья. Но в любом случае кавказские народы были разменной монетой в хитроумных политических комбинациях Англии. Показательно, что, начиная с 40-х гг., британские официальные круги «перепоручили» оказание помощи черкесам польским националистам, т.к. сочли выгоднее для себя придерживаться формально дружеских отношений с Российской империей. В целом, английское влияние на Кавказе не следует переоценивать. Ни наладить регулярное снабжение оружием и боеприпасами местных племен, ни скоординировать их выступления против русских англичане в должной мере не смогли. Другое дело, что интерес Великобритании к Кавказу заставлял царское правительство торопиться с распространением и утверждением здесь своей

реальной власти, а это вынуждало отдавать предпочтение силовым методам, казавшимся наиболее эффективными и доступными.

2. Хозяйственно-экономическая деятельность российской администрации была направлена на развитие в северокавказском регионе промышленности, сельского хозяйства, городского строительства. В то же время наличие крепостного права, тормозившего поступательное развитие страны в целом, отрицательно сказывалось и на развитии местного региона. В дореформенный период, несмотря на старание кавказских властей, больших успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства достичь не удалось.

Продолжали успешно развиваться курорты Пятигорья, превращаясь в один из центров российской бальнеологии. Следствием этого явилось возрастание количества посетителей на Водах, что со временем обещало увеличение благосостояния региона. Но все еще нестабильная военная ситуация, плохие средства сообщения, недостаточное количество выделяемых средств сдерживали этот процесс.

Как и в предшествующий период, огромное значение придавалось казачьей колонизации края. Это было необходимо для усиления кордонной Линии и улучшения экономического благосостояния Северного Кавказа. Со временем предполагалось превратить этот регион в казачий край. В 1832 г. создается Кавказское Линейное войско. Был воплощен в жизнь замысел А.Л. Ермолова о причислении части казенных крестьян в казачье сословие, считавшего эту меру необходимой и выгодной для края. Николай I в декабре 1832 г. издает указ «Об усилении Кавказской Линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений», по которому крестьяне свыше 30 поселений были причислены к казачьему сословию. Предпринимались шаги и по привлечению в казачьи ряды выходцев из внутренних губерний России, а также горцев. Усиление казачества не только сокращало военные расходы правительства, но и расчищало дорогу гражданской крестьянской колонизации.

Казенные крестьяне являлись основным податным населением Северного Кавказа, и на них, прежде всего, базировалось экономическое благополучие Предкавказья. Они обеспечивали надежность освоения этих мест, а, кроме того, их переселение на Кавказ способствовало ослаблению аграрного кризиса в центральных районах страны.

В регионе стали практиковать устройство военных поселений, и в отличие от внутренних губерний этот опыт был более удачным.

Несмотря на то, что процесс колонизации проходил достаточно трудно, он, тем не менее, благотворно, хотя и не сразу, сказался на развитии края. При этом важно, что Кавказ по-прежнему оставался родиной для горских народов, которые получали опыт совместного мирного проживания в рамках единого, многонационального государства. Российская политика не ставила перед собой цель изгнать, и уж тем более подвергнуть геноциду коренное население Северного Кавказа. И даже

жесткие заявления императора Николая I о необходимости истребить «непокорные» народы, на практике никогда не воплощались в жизнь. Более того, те российские командиры, которые проявляли излишнюю, по мнению Петербурга, жестокость, подвергались опале и даже вынуждены были покидать Кавказ.

В 30-е годы XIX- века происходят, значительные перемещения горского населения Северного Кавказа. Стремясь обезопасить безопасность стратегической Военно-Грузинской дороги, российская администрация практиковала переселение местных племен на плоскость под защиту и одновременно контроль русских укреплений. Этот процесс не всегда носил добровольный характер. В ряде случаев имел место насильственный способ переселения на равнины. Осознавая специфику региона, власти стремились идти на создание для горцев таких судебно-административных институтов, которые учитывали бы особенность местных условий. Зачастую горцы сами искали возможности перейти под охрану российского оружия, чтобы сохранить свое имущество и жизнь от покушений более сильных соседей. А в случае с черкесо-гаями мы видим еще и стремление сберечь христианскую веру и этническое самосознание.

Огромное значение придавалось торговле с горскими народами. Она рассматривалась как один из инструментов по «умиротворению» Кавказа без применения военных сил путем изменения менталитета местных народов. Подобный подход имел сторонников как в высших правительственных кругах, так и среди прогрессивных слоев российского общества. Вместе с тем рассматривать торговлю как универсальное средство по решению всех имеющихся в регионе проблем было непросчитанной иллюзией для кавказского руководства. Российская администрация отдавала себе отчет в невозможности только с помощью торговли выйти из состояния вооруженного конфликта, и потому она играла вспомогательную роль в проводимой на Северном Кавказе политике.

Среди предпринимаемых властями шагов по мирному решению кавказского вопроса не последнюю роль играло религиозное воздействие. С помощью веры пытались влиять на нравы воинственных горцев. С этой целью к ним присылались проповедники, которые должны были не только нести слово Божье, но и быть проводниками российской культуры. Открывались учебные заведения по подготовке миссионерских кадров из числа местных жителей. Но в сложных кавказских реалиях от проповеди христианских идей можно было ожидать отдачи далеко не сразу, а разгоравшаяся война значительно препятствовала этому процессу.

Осуществлялись меры по развитию народного образования. Наиболее крупным успехом в этой области было открытие Ставропольской мужской гимназии в 1837 г. Но все же эти действия не носили системного характера, а потому большой отдачи не имели.

3. С отставкой А.П. Ермолова значительные изменения претерпевают военно-стратегические замыслы российского командования на Северном

Кавказе. На смену постепенному стеснению «немирных» горцев тисками укреплений, переселению их в места, находящиеся под контролем царской администрации, и т.п. «осадным» шагам, приходит практика эпизодических военных экспедиций в горы, навязывание противнику генерального сражения. Победы армии в войнах против сопредельных государств, предшествующие успехи в борьбе с горцами давали повод предполагать, что остается сделать последнее решительное усилие, - и Кавказ будет покорен.

В свое время А.П. Ермолов сумел избежать подобного искушения. И здесь дело было не только в его пронизательности. Честолюбивый генерал умел рисковать и, если позволяли силы и обстоятельства, предпочитал стремительный натиск всем остальным видам боя. Достаточно вспомнить его поход против акушинцев, подавление чеченского восстания 1825-1826 гг. и многие другие акции. Лишь серьезная внешнеполитическая угроза, отсутствие необходимого числа войск отрезвляюще действовали на прагматичного Командира Отдельного Кавказского корпуса. Его преемники таких сдерживающих факторов уже не имели.

Справедливости ради следует заметить, что ермоловские принципы полностью никогда не отвергались. Меры по усилению безопасности Военно-Грузинской дороги и особенно шаги царских властей на Северо-Западном Кавказе, где действовали «ермоловцы» А.А. Вельяминов, Г.Х. Засс и др., тому яркое подтверждение. Напрашивается прямая параллель между перенесением кордонной Линии с Кубани на Лабу, предпринятым в 1839 г., с аналогичными мерами на Сунже в 1818 г. Но то, что удалось отстоять здесь, на Северо-Восточном Кавказе, отвергалось, и в этом есть своя закономерность. Только в Дагестане и Чечне в рассматриваемый период власть столкнулась с персонифицированным образом Врага в лице Кази-муллы и его наследников. Только здесь на территории, контролируемой мюридами, угадывались контуры государственного образования, т.е. те привычные формы сопротивления, с которыми Империя не раз сталкивалась и которые до этого не раз побеждала и в Европе, и в Азии.

В этой связи не случаен и тот факт, что недовольство в преимущественно силовых методах «умиротворения» Кавказа возникает раньше всего на северо-западе региона, где противник был представлен многоликим враждебным населением. Здесь начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский, будучи, по его словам, «убежденным и ревностным» сторонником возведения укреплений в землях «немирных» племен и выступавшим за организацию блокады морского побережья, видел в этом лишь подготовительные шаги по освоению этой территории. Реально привязать к России местные племена могла лишь взаимовыгодная торговля, причем такими товарами, потребность в которых испытывали все сословия адыгского общества, а не только знатная верхушка. Вот почему он настойчиво отстаивал проект по превращению черноморских укреплений в места продажи соли, в которой закубанцы особенно

нуждались. Черноморская береговая линия способствовала вытеснению турецких коммерсантов, являвшихся конкурентами российской торговли, но т.к. образовавшуюся нишу не сумели в должной мере заполнить собственные купцы и государственные торговые учреждения, приморские крепости сделались не форпостами российского влияния, как изначально предполагалось, а раздражающим фактором, озлобляюще действующим на местные племена. В итоге несколько фортов были взяты штурмом, и в дальнейшем пришлось снаряжать новые экспедиции, чтобы их восстановить. Трагический урок заключался в том, что, подвергая ломке традиционный хозяйственно-экономический уклад, сложившуюся систему жизнеобеспечения кавказских народов силами армии, правительство не сумело предложить и организовать ничего нового, что могло бы выступить достойной альтернативой.

В 30-е годы XIX в. определились те границы возможных результатов, какие приходилось ожидать от применения армии в кавказской политике. Подтвердились выводы о том, что, войска не сумеют обеспечить абсолютную безопасность границы от горских набегов. Разгром того или иного «немирного» аула, уничтожение враждебного предводителя выглядели внешне эффектно, но долговременных последствий не имели. Быстро достигнутые результаты также быстро терялись, не подкрепленные своевременными мерами.

Цена подобных шагов оказалась огромной. Заключалась она не только в увеличившемся количестве убитых солдат и офицеров, в возросших материальных затратах. Опасность скрывалась еще и в том, что уроки из войны извлекали не только царские генералы, но и их противник. В рассматриваемый период меняются горцы. Некогда разрозненные племена начинают объединяться. Зарождаются контуры будущего теократического государства, и не знающие над собой ничьей власти народы получают первые уроки повиновения. Имамат способствовал сохранению эффективности традиционной набеговой практики и позволял мобилизовать силы горцев на противодействие «репрессалиям» царских войск. Недаром ожесточенность боевых столкновений возрастает, и кавказские старожилы из числа офицеров отмечают, что при А.П. Ермолове они с подобным не сталкивались.

Впрочем, следует заметить, что особенность периода нельзя видеть исключительно в перипетиях вооруженного противостояния российской армии и «немирных» горцев. Весьма важно, что в это время местные власти все чаще озабочены решением не столько военных, сколько мирных проблем.

4. Безусловно, российская политика на Северном Кавказе не всегда отличалась достаточной продуманностью и последовательностью. Объяснялось это, в том числе, и отсутствием необходимых знаний о местных народах. Государственный курс по освоению региона еще только формировался и вырабатывался. Но в то же время власти стремились учитывать местную специфику и не ограничивались только силовыми

мерами по «умиротворению» края, активно используя мирные средства для оказания влияния на автохтонное население. Вместе с тем исторические реалии зачастую не оставляли перед ними другого выбора, кроме как применение военной силы. Социально-политическая эволюция «Кавказской войны» еще была далека от своего завершения. При этом считать, что именно российская политика явилась главной причиной возникновения данного конфликта, на наш взгляд, неправомерно.

К началу 40-х годов XIX века стало очевидным, что без комплексного подхода, сочетающего в себе совокупность военно-политических, экономических, колонизационно-переселенческих и культурно-просветительских мер, решить проблему «умиротворения» Северного Кавказа не удастся. В этом и состоит принципиальное значение исследуемого периода.

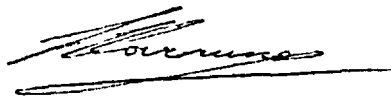
Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). - Пятигорск, 2002. - 494 с. - 30,88 п.л.
2. Практика переселения горских и кочевых народов в российской политике на Северном Кавказе в 30-х годах XIX века // Научная мысль Кавказа. - 2003. - №2. - С.62-66. - 0,5 п.л.
3. О деятельности генерала Г.Х. Засса на Северном Кавказе в 30-х гг. XIX века // Научная мысль Кавказа. Приложение. - 2003. - №10 (51). - С.121-118. - 0,5 п.л.
4. Деятельность генерала А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) // Сборник Русского исторического общества. - М., 2000. - Т.2(150).-С.72-83.-0,8п.л.
5. О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «Знамени независимости» // Вопросы северокавказской истории. - Армавир, 2000. - Вып.5. - С.70-72. -0,3 п.л. (в соавторстве).
6. Поход генерала Г.А. Емануеля против карачаевцев в 1828 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. - Армавир, 2000. - С.37-38. - 0,2 п.л.
7. Особенности горского менталитета во взглядах на набеговую систему // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. - Ставрополь, 2000. - С.31-34. - 0,3 п.л.
8. «Кавказский Мюрат» (к портрету Г.Х. Засса) // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. - Армавир-Краснодар, 2001. - С.34-35. - 0,2 п.л. (в соавторстве).

9. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX веке // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2001. - Вып.6. - 4.1. - С.45-50. - 0,5 п.л. (в соавторстве).
10. Использование религиозного фактора в российской политике на Северном Кавказе в конце 20-х-30-е годы XIX века // Вопросы северокавказской истории. - Армавир, 2001. - Вып.6. - 4.1. - С.55-61. - 0,5 п.л.
11. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов: о цене прогресса на Кавказе // Вопросы иёверокавказской истории. - Армавир, 2001. - Вып.6. - Ч.Н. - С.55-60. - 0,5 п.л.
12. Планы российских офицеров-горцев по мирному решению кавказской проблемы в конце 20-х-30-х гг. XIX века // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. - Ставрополь, 2001. - С.159-162. - 0,3 п.л.
13. Влияние набеговой системы горцев на присоединение Грузии к России // «Грузинский и русский народы, вы - братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). - Армавир, 2001. - С.14-15. - 0,2 п.л.
14. Торговый фактор в северокавказской политике России в конце 20-х-30-х гг. XIX века // Северный Кавказ в условиях глобализации: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. - Майкоп, 2001. - С.339-342. - 0,3 п.л.
15. Из истории российско-британских противоречий в контексте Кавказской проблемы // Западноевропейская цивилизация и Россия: пути взаимодействия: Материалы научной конференции. - Ставрополь, 2001. - С.213-214. - 0,2 п.л.
16. Осада Дербента Кази-муллой в воспоминаниях А.А. Бестужева-Марлинского // Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе. - Армавир, 2001. - С.20-22. - 0,3 п.л. (в соавторстве).
17. К вопросу об использовании аманатов в российской политике на Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции. - М.-Ставрополь, 2001. - Ч.1. - С.141-145- 0,4 п.л.
18. Сбор сведений о Северном Кавказе в конце 20-х - начале 30-х годов XIX в. // Из истории народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. - Вып. 4. - С.65-75. - 0,5 п.л.
19. К оценке геополитического значения Кавказа для России в отечественной историографии второй половины XIX-XX веков // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Тезисы докладов III Международного конгресса. Симпозиум V. Проблемы истории Северного Кавказа и современность. - Пятигорск, 2001. - С.34-36. - 0,2 п.л.

20. Использование аманатов в российской политике на Северном Кавказе // Научные труды № 8. Серия: история, экономика, психология, туризм. - Пятигорск, 2001. - С. 14-18. - 0,4 п.л.
21. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в п.п. XIX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год: Дикаревские чтения (7). - Краснодар, 2001. - С. 162-169. - 0,5 п.л.
22. Хозяйственно-экономическое развитие Пятигорска в 20-30-х гг. XIX века // Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе: Сборник научных статей. - Ростов-на-Дону-Пятигорск, 2001. - С. 73-83. - 0,6 п.л.
23. К вопросу о российской политике в области народного образования на Северном Кавказе в конце 20-х - 30-е годы XIX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - Краснодар, 2001. - №3-4. - С.21-25. - 0,5 п.л.
24. Проблема присоединения Кавказа и т.н. Кавказской войны через призму человеческих судеб в трудах исследователей Школы В.Б. Виноградова // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы: Материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте. - Армавир, 2002. - С.39-41. - 0,2 п.л.
25. К вопросу о мерах российской администрации по переселению горского и кочевго населения северного Кавказа в 30-х годах XIX века // «Российскость» в истории Северного Кавказа: Научный сборник. - Армавир, 2002. - С.42-49. - 0,5 п.л.
26. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х - начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и всемирной истории: Ученые записки. - Пятигорск, 2002. - Вып. I. - С.59-64. - 0,4 п.л.
27. К вопросу о мерах российского правительства по колонизации Северного Кавказа в 30-х годах XIX века // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. —Армавир, 2002. - С.50-52. - 0,2 п.л.
28. Российская общественность и кавказская политика в 20-е - 30-е годы XIX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год: Дикаревские чтения (8). - Краснодар, 2002. - С. 104-109. - 0,5 п.л.
29. К оценке ситуации на черноморских береговых укреплениях в 30-е годы XIX века // Материалы международной научной конференции «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». - Армавир, 2002. - С. 133-137. - 0,4 п.л.

30. Из истории Ставрополя 30-х годов XIX века // Ставрополь - врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. - Ставрополь, 2002. - С. 156-159. - 0,3 п.л.
31. Из истории научно-практической и педагогической деятельности А.Ф. Реброва на Северном Кавказе // Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе: Материалы 8-й всероссийской научно-практической конференции. - Армавир, 2003. - 4.1. - С.17-19. - 0,3 п.л. (в соавторстве).
32. Осада Ахульго 1839 г. // Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе: Материалы 8-й всероссийской научно-практической конференции. - Армавир, 2003. - 4.1. - С.27-31. - 0,3 п.л.
33. К вопросу о российско-горской торговле на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в конце 20-х гг. XIX века // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. - Ставрополь, 2003. - С. 109-111. - 0,3 п.л.
34. Особенности ситуации на Северном Кавказе в контексте российской политики в регионе (от Ермолова до Воронцова) // Вопросы северокавказской истории. — Вып.8. - Россия и Северный Кавказ: «Ничего не утаю...» (Л.Н. Толстой). - Армавир, 2003. - С.24-31.-0,5п.л.
35. Даргинская экспедиция 1845 года // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. - Армавир, 2003. - Вып.2. - С. 184-191.-0,5п.л.
36. 1840 год - важный рубеж в политике России на Северном Кавказе // Научные труды № 23. Серия: история, экономика, психология, туризм. - Пятигорск, 2003. -С.35-36. - 0,1 п.л.
37. «Было дело на Кавказе...» (эпизоды «Кавказской войны» в фольклоре народов Северного Кавказа) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год: Дикаревские чтения (9). - Краснодар, 2003. - С.41-45.-0,5°п.л.
38. Особенность ситуации на Северном Кавказе в 30-е годы XIX в. в контексте российской политики в регионе // Научные труды №24. Серия: история, экономика, психология, туризм. - Пятигорск, 2003. - С.49-54. -0,2п.л.
39. Из истории экономического развития Георгиевска, Пятигорска и Ставрополя в 30-х годах XIX века // Азово-Моздокская линия на рубеже XVIII - XIX вв.: Материалы научно-практической конференции. -Пятигорск,2003.-Вып.1.-С.13-16.-0,3 п.л.

№ - 3856

Подписано к печати 16.02.2004 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

2 усл. печ.л., 2,4 уч. изд. л.

Тираж 300 экз.

Издательство Пятигорского государственного
технологического университета

357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56.

Лицензия № 000341 от 24.01.2003 г.

Отпечатано в типографии Пятигорского государственного
технологического университета

357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56